

ДРУГИЕ
МИРЫ

Анна Невер

ОБЖИГАЮЩИЙ
СЛЕД

Annotation

Тиса всегда недолго любила колдунов. Они без зазрения совести вмешиваются в судьбы других людей, словно возомнив себя богами. И когда в тихий провинциальный городок приезжает колдун из столицы, никто даже не подозревает, насколько вскоре изменится жизнь обитателей этого городка...

Зловещие убийства и древний страх, крадущийся в ночи. Враг, притворяющийся другом. И, конечно же, чувства, которые вдруг начинают спорить с разумом...

Что из этого оставит в жизни Тисы свой обжигающий след?

Анна Невер

Обжигающий след

© А. Невер, 2017

© Оформление. ООО «Издательство АСТ», 2017

* * *

Июль, 9023 г. от сотворения Хорна, Крассбург

Министра по вэйбезопасности Павла Антеевича всегда манили красоты подводного мира, и многие служащие Вэйновия об этом увлечении знали. Особенно Капитон, секретарь его высокопревосходительства, сутуловатый юноша с усиками над бледными губами.

Когда министр одалживал свой парик бюсту императора и в очередной раз отправлялся в «заплыв», тот старался не отвлекать старика – дела могли и подождать. Но сегодня прибыл гонец с донесением высокой важности, не терпящим отлагательств. Вторая степень – ни больше ни меньше. И Капитон понял, что придется лезть под горячую руку. Он достал из сейфа ключ – стеклянный шар с запаянной внутри ракушкой – и вошел в портал.

Короткое чувство невесомости и сдавленности одновременно. Запах водорослей и соли, шум прибоя перед тем как очутиться на влажной гальке острова. Яркое солнце на миг ослепило Капитона, и он невольно сжал рукоять скипа. Напрасно – остров был безопасен. Покрытые остролистой травой холмы на его западной стороне сменялись скалами-исполинами, а на южной, где висела полупрозрачная арка портала, волны накатывали на пологий берег, лизали гальку и дарили ей бусы из бурых водорослей.

Секретарь направился по полосе прибоя к ближайшему рифу. Острое зрение одаренного позволило с легкостью заметить крупную касатку в чистейших водах Теплого моря. Лениво шевеля плавниками, кит завис вблизи подводного кекура. Отвесная стена колыхалась, облепленная бурыми водорослями, и пестрела от присутствия подводных тварей, как шуйский длинноворсый ковер. Касатка любовалась парой морских коньков – две козявки, сцепившись прозрачными хвостиками, будто клялись друг другу в вечной любви. Увлеченная зрелищем, не заметила, как от нее в испуге увильнула зазевавшаяся стая барракуд.

Очертив скипом круг, Капитон виновато позвал министра:

– Ваше высокопревосходительство! Срочное донесение. Вторая степень.

Кит шевельнул плавником и замер, боясь спугнуть коньков. Отплыл подальше и только потом клацнул пастью.

– От кого?

– Оперативный, ССВ.

– Выхожу, – смирился министр.

Через минуту над морской гладью вскинулся черный спинной плавник и на высокой скорости устремился к мысу, где стоял секретарь. Пучина взорвалась пеной, и огромная касатка с легкостью ласточки выбросилась на береговые камни. Подняла гладкий хвост, забрызгав Капитона – подол его суконного сюртука намок и прилип к худым коленям. А там, где только что лежал кит, уже поднимался крепкий старик. Он провел ладонью от широкого лба к затылку, приглаживая пряди седых волос.

И непонятно было, кто из двух колдунов вышел из воды. Скорее секретарь, ибо мантия министра выглядела сухой и выглаженной, словно только из прачечной. Из ее фалд выглядывал скип – средней длины жезл из драгоценного черного дерева, инкрустированный белым золотом и шпинелью. Молодой человек боялся даже представить, насколько мощным могло быть это оружие в деле.

– Пал Антеич, – начал секретарь, но министр остановил его:

– Обсудим в кабинете, Капитон. Только его стенам можно без опаски доверять секреты. – Старик, щурясь от солнца, взглянул вверх, где в небе кружила пара урилов, издавая трубные крики.

В молчании они шагнули в портал: в целях безопасности прямым вэйпереходом в кабинет не пользовался даже министр. Путь могли отследить враги империи и, подобрав ключ, напрямую попасть в Вэйновий – цитадель, на мощи и защите которой зиждились императорская власть и вся Лароссия.

Пропуская министра и его секретаря в просторный вестибюль, растворилась дубовая дверь. Точно такие же тянулись по границе круглого помещения. Сверху падал рассеянный свет, проникая через витражи. Мраморные плиты пола дробились к центру зала на более мелкие и вливались в мозаику, изображающую герб Вэйновия. Белый винторогий дракон Вемовей – ипостась и одновременно слуга Вэи, распахнув крылья, держал в левой лапе скип, в правой – росток ржи. «Во славу Державы защищать и созидать» – гласила надпись на гербовой ленте.

Вестибюль наполнял народ. Магистраты и служащие сновали туда-сюда. Мелькали парики, стучали каблуки, шелестела бумага, не прекращался гул голосов. Кто-то входил в двери, кто-то выходил.

Павел Антеевич обычно старался не пользоваться порталами внутри здания. Но сейчас он изменил принципам и вместе с секретарем вновь воспользовался одной из порталных дверей, которая за долю секунды доставила их на седьмой уровень восточного сектора.

Они прошли служебным, а не парадным входом и вскоре оказались в просторном кабинете. В трех арочных окнах с высоты птичьего полета открывался Крассбург. Поздний летний вечер начинал зажигать фонари на бульварах и площадях столицы. Закат расцветивал пунцовыми оттенками черепичные крыши домов, башенок, дворцов и полыхал в золотых куполах церквей Единого.

Приветствуя хозяина, кабинет услужливо зажег мошкарную люстру. Освещая помещение, в колбах-лампах зароились миллионы светлячков размером с пылинку. Министр снял с бронзового чела Антея III свой парик и натянул на голову. Опустился в кожаное кресло.

– Приступим, Капитон. Где посыльный?

– В приемной.

– Покажи.

На стене, обитой синим бархатом, висела дюжина портретов предшественников Павла Антеевича. Капитон качнул третью в ряду картину, с которой властно взирал тучный мужчина в парике «крылья голубя». Книжный шкаф и кусок стены за ним «исчезли», позволяя министру увидеть посетителя в приемной незаметно для того.

Главвю Спецстражи Вэйновия, или просто ССВ, на вид было лет тридцать пять. Он сидел на диване для ожидающих, откинув голову и прикрыв глаза. Неподвижно, словно каменный истукан, сотворенный взглядом василиска. Забранные в хвост волосы, связка защитных амулетов на шее, к бедру прижат ореховый скип с кольцами из бивня рога носорога. На волевом лице читались непреклонная готовность ждать прихода министра хоть весь свой век и спокойствие человека, исполняющего возложенную на него миссию.

У ног вэйна дремал верховой рысак. С его боков клочьями свисал свалявшийся мех. Кожистые крылья не полностью втянулись в замышечные мешки, несколько концевых перьев

торчали из-под лопаток. Острые уши летучей рыси, увенчанные кисточками, поворачивались на любой шорох.

Разглядывая прибывшего заодно с министром, секретарь украдкой вздохнул. Когда-то Капитон мечтал стать оперативником. Окончить Высшее военное училище имени св. дракона Вемовея, поступить на службу в оперативный отдел ССВ. Стоять на страже империи, ловить панокийских диверсантов и опасных преступников. Но мечты так и остались мечтами, может быть, потому, что он с детства боялся даже сесть на рысака – тут уж не до полетов.

Несколько секунд понадобилось министру, чтобы оценить прибывшего и велеть:

– Пусть войдет, Капитон. Пригласи.

Шкаф вернулся на свое законное место прежде, чем вошел гонец.

– Здравия желаю, ваше высокопревосходительство! – Он склонил голову.

– Оставь, – отмахнулся Павел Антеевич. – Давай по делу.

– Меня послал управной оперотдела спецстражи Политов Роман Валентович. Смею доложить дословно. Двадцатого числа был задержан «язык», по свидетельству которого некие лица, нами пока не установленные, заинтересованы в сборе невесомых лат и ведут активные действия по их поиску. Три тотума ими уже найдены и заполучены. Владельцы уничтожены.

Глава вэйбезопасности откинулся на спинку кресла, в удивлении приподнял брови. И Капитон, внимательно следивший за выражением лица начальника, невольно повторил это движение.

– Это проверенная информация?

– Вне всякого сомнения.

Павел Антеевич сложил ладони вместе и поднес к переносице. Он знал, что девять из шестнадцати тотумов давно находятся в секретке Вэйновия и опутаны сторожевыми заклинаниями, как катушка – нитками. Ни один вор не сунется туда, если дорожит жизнью. Каждый из тотумов – это просто сильный оберег, но если их объединить... Кто-то надумал войти в легенды.

Министр поерзал в кресле.

– Так, гонец, передашь вот что...

Секретарь приготовился конспектировать, но Павел Антеевич дал отбой взмахом руки.

– Передашь Политову: расследование разрешаю. Более того, пусть подключает лучших своих молодцов. Важно узнать, кто за этим стоит. Мне нужны имена. Параллельно ведите поиски оставшихся четырех тотумов, постарайтесь договориться с владельцами без принуждения, можете посулить вознаграждение. В пределах разумного, естественно. У вас есть какие-либо предположения, где искать обереги?

– Силовые улавливатели указали, что один из тотумов находится на северо-востоке Ижской губернии.

«В настоящей дыре», – подумал секретарь, зависть разом отпустила. Хорошо, что это не он служит в ССВ и не его могут усласть на край империи шлепать по грязи и бездорожью. Ходят слухи, что там все еще живут словно в средневековье: ни тебе удобств современности, ни культурной жизни. Куда лучше теплый кабинет и вид из окна на вечерние огни столицы.

– Продолжайте искать. Смотрите – не провороньте, – прогремел министр и добавил: – Вы свободны, молодой человек. Отправляйтесь.

Глава 1. Новость

Август, 9023 г. от сотворения Хорна, Ижская губерния, г. Увез

Серый туман... Кислый запах копченостей и дешевого табака.

– Я понятно выражаюсь? – прозвучал рядом требовательный голос.

В глазах прояснилось, и Тиса смогла оглядеться. Комната тонула в полумраке. Одинокая свеча, обычная, без наклада, истекала воском на дубовую столешницу, испещренную мелкими царапинами. Острое пламя шипело и билось. Дрожали тени на бревнах листовенничного сруба. Под потолком, подбитым дранью, щерилась голова лохматого вепря, сверкая изогнутыми как сабли клыками. Чучело буравило Тису единственным стеклянным глазом.

За гранью света во тьме проявились очертания стула с высокой спинкой. Тиса скорее почувствовала, чем разглядела сидящего на нем человека. Еще двое замерли за его спиной.

– Да или нет? – голос резал как осколок льда.

– Да, господин! – Тиса удивилась, услышав свой приглушенный ответ. Ладонь сжала жесткое ребро табурета.

– Отлично.

Навстречу ей воспарил кошель размером с бычье сердце. «Из замши, – подумала, прежде чем разглядела матовые чешуйки. – Нет, змеиная кожа».

– Я вижу, мы нашли общий язык, – произнес уже не так строго... вэйн?! Теперь это было очевидным. – Придерживайся плана. Древняя взя в твоих руках выполнит все приказы, точно послушная кошка. На связь выходи в крайнем случае.

Кошель снизился и мягко ткнулся ей в колени. Тиса решила, что это ошибка – кажется, ее приняли за другого человека. Меж тем ее рука – широкая, в грубой черной перчатке – подхватила кошель. Тиса насторожилась. Что-то здесь не так.

– Помни, владелец не должен остаться в живых. Уничтожь его.

«Кого?» – переспросила, но голоса своего не услышала, лишь треск свечи нарушал молчание.

«Что со мной? – попыталась сказать Тиса, но с губ по-прежнему не слетело ни звука. И тут ее осенило: – Да это же не моя рука!»

– Порталом обеспечим. Как только порешишь владельца и тотум окажется у тебя, сможешь разбить стеклянный шар перехода. Раньше даже не смей. Открой кошель! – продолжал командовать собеседник.

Пальцы вопреки желанию заплясали над узлом шнурка.

В душе Тисы поднялось возмущение: «Безумство какое-то! Нет, ты не развяжешь его. Черта с два!» Она призвала всю волю, дабы обрести власть над телом. Тщетно.

«Давай же!» – от натуги уже темнело в глазах, когда она вдруг ощутила покалывание в подушечках пальцев. Руки замерли.

– Я... не... стану, – насилу выговорила Тиса низким мужским голосом.

– Не может быть! – взревел незнакомец и, вскочив с места, рванул к ней.

Тиса почувствовала, как страх накатил омерзительным шквалом. Подбородок ее сам вздернулся вверх, а взор уперся в лицо, черты которого казались смазанными, будто размытая дождем акварель. Но глаза... Раньше она никогда таких не видела: без зрачка,

слабо светящиеся фосфором. Они прожигали ее насквозь. Невыносимая боль иглами впиалась в мозг, и сознание провалилось во тьму.

Глубокая ночь заливала комнату чернилами. Лунный свет тягуче просачивался через тюль и ложился на стены.

Тиса лежала в постели, раскинув тонкие руки подобно надломленным плетям. Каштановые кудри слиплись от холодного пота. Взгляд медовых глаз невидяще уперся в потолок. Прошло некоторое время, прежде чем она стала осознавать себя. Следом отрезвляющей волной нахлынул холод. Стуча зубами, девушка потянула на себя простыню.

Сообразив, что не может согреться, она встала с кровати. Извлекла из нижнего ящика шкафа шерстяную шаль и закуталась в нее. Потом звякнула склянками в тумбе, вынимая графин. Глоток ежевичной настойки обжег горло, пищевод и ошпарил желудок кислотой. Жар разлился с кровью по венам, возвращая способность соображать.

– Что это было? – шепот прозвучал резко на фоне далекого пения сверчков и ветра. Еще два глотка из графина.

Такое ощущение, что...

– Нет, – простонала она. – Неужели снова видения? Не хочу!

Тиса оттолкнула тонкую нить, навязчиво протянутую из памяти, с помощью которой она смогла бы восстановить увиденное, соткать его, словно гобелен, в единую картину.

– Не собираюсь вспоминать всякий бред, – снова поднесла к губам узкое горлышко. Но, вдохнув пары спиртного, поморщилась и убрала настойку обратно в тумбу, в самую глубь. Если Камилла найдет – ворчаний не оберешься.

Чувствуя приятное тепло в теле, Тиса упала на перину и моментально заснула.

* * *

Утро началось с крика соек за окном. Птицы не поделили желудь и горланили в кроне дуба. Щеколда окна поддалась, и рама с коротким скрипом распахнулась. Тюлевый занавес захлопал по плечам. Далеко в кисейной утренней дымке к зеркальному озеру спускались черепичные крыши белых домиков. За ним курчавым руном поднимался лес, он уже начинал желтеть в предчувствии осени. У самого горизонта белым ожерельем лежали скалы. День обещал быть солнечным и ясным.

Жидкое мыло пахло приятно. Чабрец, шиповник, череда, календула. Неплохой букет получился. Нажатая педаль умывальника позволила воде глухо застучать о чугунную раковину. Тиса смыла с лица пену и сморщила нос.

– Мелиссы не хватает.

Кинула пузырек с самодельным мылом в сумку: для Зои.

Ночь оставила на лице заметные круги под глазами. Так бывало после видений. А ведь она уже успела позабыть о подобном «счастье».

Из шкапулки на сосновом столике Тиса извлекла наручные часы, и ремешок из телячьей кожи обхватил тонкое запястье. Два выдоха на крышку изящного циферблата, изрезанную трещинами, и появилась испарина. Рукавом платья девушка натерла стекло до блеска. Все шесть серебряных ажурных стрелок не двигались, как и прежде.

Дернулась ручка входной двери.

– Тиса Лазаровна, вам нужна вода? – послышался звонкий бодрый голос.

Хозяйка комнаты сдвинула засов и впустила горничную с ведром.

– Я уже умылась, Уль. Но раз принесла, долей, будь добра.

Уля подставила к умывальнику табурет, залезла на него и вылила воду в чан, сверкнув белоснежными полными икрами. Толстая пшеничная коса горничной сегодня оплетала лоб и опускалась до округлых ягодич.

– Красиво волосы уложила, – похвалила Тиса.

– Мне и самой нравится. – Уля спустилась и поглядела на себя в зеркало туалетного столика. – А у вас голова такая, будто мыши в кубле ночевали. Да и круги под глазами, страх божий!

Горничная громко рассмеялась. Как всегда от смеха, у нее покраснелись щеки и шея. Молодая хозяйка снисходительно улыбнулась.

– Давайте я вам расчешу волосы, – предложила Уля.

Пять минут Тиса наблюдала в зеркале, как ее растрепанные каштановые кудри постепенно собирались на затылке в узел. Его девушка закрепила лентой, скрученной по краям от частой носки.

Поблагодарив за прическу, хозяйка спустилась к завтраку.

В небольшой столовой, смежной с кухней, пахло квасом и тушеным мясом. В окно бил утренний свет, за открытой форточкой чирикали воробьи. Из кухни слышались лязг кастрюль и пение Камиллы. Кухарка сегодня тянула «Мил дружок колечко подарил...». Все же медведь когда-то серьезно покусился на ее ухо – пение навевало мысли о несмазанной телеге.

Отец не пожелал ждать дочь и уже приступил к трапезе. На завтрак была гречка с мясом, сдобренная сливочным маслом, золотистым и наполовину растопленным. В центре стола теснились блюдо с резаным хлебом и миска с жареными кабачками, луком и помидорами.

– Доброе утро, – поздоровалась Тиса без выражения. Громко крикнув в кухню: «Привет, Камилла!», она уселась на стул.

Из кухни донеслось ответное приветствие.

– Угу, – промычал отец, не отрывая взгляда от «Областных ведомостей». Капитан Войнов часто читал газету во время еды.

Тиса окинула батюшку взглядом. Широкий с залысинами лоб, седые жесткие волосы. Две морщины на переносице в минуты расстройств сходились в одну. В расстегнутом вороте льняной рубахи белела грудь с бледно-голубой наколкой. Впрочем, такой небрежный вид был скорее редким исключением, нежели правилом.

Девушка насадила на вилку кусок говядины. Слишком, конечно, для утра. Но в доме давно заведено солдатское правило – завтраки обязаны быть сытными.

Из кухни выплыла Камилла с кувшином молока и тарелкой, полной золотистых пышек. Судя по поднимающемуся парку, только со сковородки. Вслед за кухаркой из кухни просеменил Огурец, толстый полосатый кот, получивший свое прозвище за любовь к этому овощу. Подрагивая вытянутым пушистым хвостом, он ловил носом аромат жареного теста.

– Ох, знатные получились. Попробуйте, Лазар Митрич, со сливками. Только что Платон Акопыч принес бидончик. Коровки-то у Бурьяных чистоплотные.

Подцепив вилкой одну из пышек, Тиса перенесла ее в свою тарелку.

– Спасибо, Камилла. Вкусно пахнет. Садись с нами.

– Я позже поем, детка, – пухлые пальцы женщины теребили оборку передника. – Лазар Митрич!

– Да, – промычал капитан, не отрывая взгляда от газеты.

– Не скажете, когда ждать отряд, что таможенников в Ижеск сопровождает? Все Яшку своего жду.

– К концу следующей недели должны явиться, – отец мельком посмотрел на кухарку.

Камилла на радостях всплеснула в ладоши.

– Ну слава Единому!

Загромыхали ведра. Из кухни показалась коротко стриженная голова новобранца.

– Камилл Санна, куда ставить-то?

Кухарка шикнула на парнишку: голова исчезла, а вслед за нею и Камилла.

Отец и дочь ели молча. Иногда тишину нарушал стук вилок о тарелки. Тиса взглянула на кота, и Огурец тут же принял несчастный вид некормленного с месяц создания. Но с ней этот номер не прокатывал. «Созданию» после завтрака отойдет целая миска еды. А пока люди за столом – изволь ждать.

Кот просек настроение молодой хозяйки и с обиженным видом запрыгнул на подоконник. Оттуда на форточку, где взялся наблюдать за воробьями в ветвях ясеня.

– К вам можно, капитан? – квадратного телосложения старшина Кубач Саботеевич протиснулся в дверной проем столовой.

Тот без слов указал на свободный стул.

Тиса порадовалась окончанию тишины. Она слушала мужчин и в который раз удивлялась тому, как служба оживляла батюшку.

– Северная сторожа починки требует, – старшина тряс длинными усами.

Капитан отмахнулся.

– Сейчас на это нет денег.

– А я говорю, если не подлатаем сруб, к весне без вышки останемся, – Кубач развел пудовые ладони. – Крыша завалится вскоре. Бревна в иных местах жук источил, труха одна.

В задумчивости ущипнув щетинистый подбородок, отец кивнул.

– Ну хорошо. Зови зодчего, только без артели. Бревна наши молодцы сами таскать горазды.

Кубач довольно кивнул и попросил у Камиллы кваса. Получив кружку, отхлебнул и одобрительно причмокнул губами.

– Что наши из Ижеска, капитан?

– Зарай сбыл «изъятку», и отряд уже выступил в обратный путь. К концу следующей недели явятся, коль в дороге все гладко будет.

– Климыч, должно быть, половину денег в свой карман положил, – цокнул языком старшина.

Отец нахмурился.

– Нас не касается. Пусть его ижский начальник печется о чистоте рук своих подчиненных. Ты лучше ответь, что с мукой? Ездили с Жичем к Гришаю?

Кубач фыркнул:

– Этот рвач уже четыре рубля за пуд просит. Муха, что в прошлом году в полях объявилась, на сей раз побила треть урожая. И зерно подорожало сразу на три гривенника.

– Придется брать, – поморщился капитан. – Скупаться в Сеевке дороже станет.

– Эти зерноробы из года в год ноют: то их поля дождь залил, все погнило, то засуха изжарила. Благо, вэйн вскорости приезжает. Будет погоду править. Может, тогда цены спадут.

– Вэйн, говоришь? – с сомнением переспросил Лазар.

Тиса приподняла брови.

– Я тоже сначала подумал – вранье, – Кубач махнул вилкой, и несколько зерен гречки, сорвавшись с нее, полетели через стол. – Какой колдун согласится в нашей глуши работать? Но Лавр зарекается: приедет. Видать, завалил письмами ижского наместника по горло. Добился-таки.

– Ну-ну, посмотрим, – отец промакнул льняной салфеткой губы. – Пора.

Он поднялся из-за стола, следом за ним старшина. Капитан снял с крючка вешалки суконный мундир цвета мокрой горчицы, залоснившийся на локтях. Надев его, застегнул на медные пуговицы до подбородка. С нижнего крюка вешалки подхватил кожаные ножны с саблей и прикрепил их к портупее на левом боку.

Девушка проследила за мужчинами взглядом до двери. Потом сложила тарелки и отнесла их на кухню.

– Отец вчера мне выдал деньги на хозяйственные нужды. Вот, возьми на снесь. И еще снаряди, пожалуйста, Цупа за покупками на неделе, ладно? – Тиса протянула Камилле маленький желтый листок, исписанный чернилами. Затем вытащила из кармашка юбки монеты.

Камилла забрала деньги и посмотрела список.

– А как насчет казанка, девочка? Помнишь, я говорила? Хочу вас пловом чиванским порадовать. А его в обычной кастрюле не сготовишь.

– Сколько он стоит?

– Четыре с половиной рублика на перекупном базаре. Дешевле не найдешь.

Тиса добавила кухарке еще пять целковых.

Из столовой послышался короткий кошачий «мяв» и треск веток за окном. Должно быть, Огурец опять за воробьем выпрыгнул.

Покинув кухню, Войнова вышла на хозяйственный двор. На крыльце болтали знакомые прачки, поставив на перила тазы с мокрым бельем.

– Я их собственными глазами видела, – говорила одна.

– На что надеется, дурочка? Думает, он на ней женится? – ахнула другая.

Обе женщины, завидев дочь капитана, прекратили сплетничать и поздоровались. Со стороны солдатской столовой раздался визгливый голос войскового повара. Широкоплечий, с короткой толстой шеей Жич спорил с молочником о цене и позволял себе крепкое словцо.

– Разве это сметана? Это моча, а не сметана! – наседали он на Акопыча. – Полтинник за литр дам, не больше.

Молочник своими закрученными тонкими усами напоминал таракана. Он ловко отпрыгивал от повара, как от цепного пса, и снова повторял:

– Ну что вы, Жич Бадросович. Хорошая сметана. Такая же, как в прошлый завоз. Семьдесят копеек ей цена, не меньше.

У столовой тройка новобранцев таскала бидоны с телеги на войсковую кухню.

Тиса пересекла двор: споткнулась о курицу, обошла поросят, пропустила группу военных. Некоторых солдат она знала и кивала в ответ на приветствия. От заманчивой мысли в такую хорошую погоду прогуляться пешком по Уведу Войнова сразу отказалась, времени мало. Ганна все же умудрилась встревожить ее своим вчерашним письмом. Девушка направилась к конюшне – длинной саманной постройке с соломенной крышей.

На бревне у входа в конюшню дядька Зошик чинил упряжь. Загорелые руки умело работали шилом и дратвой. Рядом, прислонившись к колесу телеги, храпел Цуп. На красный

нос извозчика съехала мягая соломенная шляпа.

– Дядь Зошик, я Ватрушку возьму.

Конюх отложил в сторону упряжь и вызвался помочь оседлать лошадь.

– Ватруха уже не такая резвая, как бывало. Все больше спит, да и слепнуть стала, – ворчал он, затягивая под серым в яблоко пузом подпругу седла. – Может и подвести в дальнем пути. Слыхал, вэйны пилюли сочинили. Ежели их дать выпить любой лошади, даже нашей старушке, то та сможет бежать день без усталости.

– Ужасно! – возмутилась Тиса.

– Не скажи... – Мужик похлопал кобылу по крупу, Ватрушка фыркнула. – С одной стороны, то конечно. А вот коли больного надо срочно к лекарю доставить, тогда как?

– Все равно, – не сдавалась молодая хозяйка. – Пичкать пилюлями беззащитных животных! Дали б мне волю, я бы этот вэйновский цех давно закрыла.

Зошик пожал плечами, мол, как знаете.

Приладив сумку к седлу и взобравшись на лошадь, через минуту всадница уже выехала через арочные ворота военной части, кивнув постовому на проходной. Она пустила Ватрушку рысцей через дубовую рощу, далее по улочке, держа путь в восточную часть Увега. Полчаса в седле, и Войнова, пригнув голову, въехала в калитку и спешила у небольшого домика с верандой, увитой синей повитью. Поводья принял мужичок, помогающий Кошкиным по хозяйству. Прежде чем войти в дом, Тиса вытерла подошвы сандалий о мокрую тряпку. Навстречу из гостиной выбежала Марика, младшая сестра Зои. В желтом платье и с белой атласной лентой в светлых локонах она была так хороша, как возможно только в шестнадцать лет.

– Тиса, привет! – звонко поздоровалась она. – А Зойка с Ганной пошли к озеру, в беседку.

– А ты почему не с ними?

Марика сморщила нос.

– Да ну ее! Зойка в последнее время еще вреднее стала. Даже мамка с ней поругалась.

– Понятно, но ты, я вижу, не скучаешь, – Тиса указала на книжку в ее руке. Судя по обложке – женский роман.

– Да, – хихикнула девчонка. – Сейчас на самом интересном месте читаю. Главный герой – вэйн и такой красавец! Она в него влюбилась, а он...

– Только не пересказывай мне всю книгу. Я уже сочувствую несчастной.

– И чего ты так колдунов не любишь? – Марика выпятила нижнюю губку.

– А то, что все девицы просто ума лишаются, когда речь заходит о них. Вэйны то, вэйны это... А они еще неизвестно чего больше своей волшебной силой приносят: пользы или вреда. Почитай лучше историю империи. Там полно примеров их произвола, – Войнова назидательно кивнула.

– История – это же скука смертная, – тоскливо протянула собеседница.

Из гостиной появилась женщина, еще не старая, сохранившая стройность фигуры, – Настасья Ефимовна, мать Марики и Зои. Поговорив с ней о здоровье батюшки, Тиса отдала мыло собственного приготовления, за что получила благодарную улыбку, после чего направилась к беседке на берегу.

Сад Кошкиных располагался за хозяйственной частью, конюшней и сараями. Полторы тысячи саженой земли с плодовыми деревьями спускались к озеру. Пять работников под руководством Никодима Емельяновича Кошкина, отца семейства, собирали урожай яблок.

Ящики с плодами громоздились один на другом под деревьями. Тощий, в прохудившихся на коленях брюках на помочах, Никодим Кошкин напоминал старого муравья. Тиса поздоровалась. Он махнул ей рукой в рабочей перчатке.

Девушка сорвала яблоко с ближайшего дерева и откусила. Впереди заблестела вода Вежского озера. Название пошло от реки Вежи, что вливалась в водоем с севера, а затем изливалась из него на юге и продолжала нести свои воды по долине навстречу полноводному ижскому Чаману. Заросли камыша да рогоза густо опушали озеро по краям. Рыбаки ловили здесь сома, сазана, толстолобика на уху, а красноперочку с лещом – к квасу.

На берегу под сенью деревянной беседки Тиса разглядела две женские головки: темноволосую, со строгим пучком на затылке – Ганны Лисовой и светлую, с растрепанной косой – Зоину. Девушки, завидев ее, поднялись с лавки и по очереди чмокнули в щеку.

Памятуя о письме, Войнова собиралась было спросить Ганну, что же случилось такого, что потребовало срочного приезда, но вовремя увидела прижатый к губам палец – призыв к молчанию.

– Ты седмицу меня не навещала, – сказала Зоя тоном капризного ребенка. Она опустилась на лавку, придерживая большой округлый живот под батистовой сорочкой.

– Я как раз собиралась.

Кошкина похлопала ладошкой подле себя, и обе девушки опустились на лавку рядом с беременной подругой.

– Расскажи, как твои дела? Помнится, ты помогала лекарю? Забыла, как его зовут.

– Агап Фомич. Я и сейчас у него в подручных, – Тиса выбросила яблочный огрызок за перила беседки. В рогозе послышалась возня, криканье и плюханье перепончатых крыльев – мордоклювы вместе с утками делили поживу.

Зоя неожиданно схватила руку капитанской дочери и зашептала скороговоркой:

– Ты должна мне помочь. Лукишна сказала, что я вылитая баба Фрося и фигурой, и лицом. Просто копия.

В голосе беременной звучал страх. Войнова не понимала, откуда он.

– Моя бабка при родах померла! – Зоя сказала это так, словно рушился мир, но никто этого не замечал.

Тиса сообразила, к чему она клонит, и нахмурилась.

– Глупости какие! Даже не думай об этом! С тобой подобного не случится.

– И я ей битый час то же самое твержу, – Лисова в отчаянии развела руками.

– У меня бедра узкие, – всхлипнула Зоя. – Я боюсь. Тиса, спроси лекаря, может, есть снадобье или трава какая, чтобы родить благополучно. Пожалуйста!

Последнее слово перетекло в жалобное хныканье. Ганна обняла подругу, погладила по плечу. А Войнова словно заново взглянула на Зою – за лето ее живот вырос до впечатляющих размеров и, казалось, как якорь тянет к земле ее хрупкое тело.

– Я найду для тебя подходящее снадобье, – пообещала она. – Все будет хорошо. Не плачь, а то нос покраснеет, как у нашего Цуца.

Кошкина хихикнула сквозь слезы, Ганна дала ей свой носовой платок, и та звучно высморкалась.

Облако заслонило солнце, ленивый полуденный ветер поддернул водную гладь черно-синей рябью.

– Кстати, отец сказал – отрядные уже покинули Ижеск.

– Зоя, слышишь? Скоро Руслан приедет, – Ганна послала Тисе благодарную улыбку, –

подарки привезет.

– Я ему список вручила длиной в монашеский свиток, – оживилась та, перечисляя, что заказала мужу купить для будущего малыша. – Жаль, мы не можем себе позволить колыбель Тарротанга. Я бы очень хотела люльку с вэйновским накладом – чтобы сама качалась. Как кресло-качалка Тонечки, которое градоначальник ей на годовщину свадьбы подарил.

Войнова фыркнула, а Ганна покачала головой.

– Мебель Тарротанга очень дорогая.

– Я так скучаю по Руслану. А ты, Тиса?

Брови капитанской дочери удивленно взлетели. Но она догадывалась, какой вопрос сейчас последует.

– Ты не скучаешь по Витеру?

В этом вся Зоя.

– Чего мне по нему скучать? – Войнова поднялась и подошла к перилам, делая вид, что ее заинтересовал мордоклюв, плавающий среди уток. Самый маленький представитель древних чистил свое перепончатое крыло плоским клювом.

Кошкина хихикнула:

– Знаешь, что мне муж сказал? Потерял Витя голову из-за твоей подружки.

«Ну конечно, излюбленная тема. Мы еще думали, как поднять ей настроение, а всего-то нужно дать поиздеваться над подругой».

– Да ладно, Тиса, – поспешила сказать Ганна, – только слепой не увидел бы, как Витер вился вокруг тебя на обеде у Лавра.

– Он такой высокий и сильный. Люблю военных, – закатила глаза Зоя.

– Внешность – самое последнее, на что надо смотреть при выборе мужа, – Лисова подняла указательный палец. – Мужчина обязан обеспечить семью. А Витер в свои тридцать уже старшина. Надо видеть перспективу. Я сама слышала, как капитан расхваливал его градоначальнику.

– Отец отмечает не только его, – упрямо сказала Тиса.

К ее радости, на тропинке показалась Марика. Она бежала, размахивая книжкой. Ветер раздувал пузырем ее желтое платье.

Приблизившись, девушка обхватила столбик беседки и в шутку высунула язык.

– Уф. Вы не представляете, какие я новости узнала!.. Такие... Мамку навестила Степа Лопухина, хорошо, без Анфиски. Вы бы видели ее новую юбку. Рюши – как у бабы на чайнике. Они в гостинной чай пили, а я сидела на подоконнике, роман читала, ни о чем не подозревала...

– Марика! – Зоя теряла терпение.

– К нам едет молодой колдун! Из самого Крассбурга! – выдала та, светясь от счастья.

– Врешь, – прищурилась старшая сестра.

– Не вру! – подпрыгнула девчонка, хлопнув в ладоши. – Будет наместным в Уwege. И самое главное – он не женат!

– Удивительно! Вэйн – и к нам, – Ганна прижала ладонь ко рту. Заметив равнодушие Войновой, спросила: – Ты знала?

– Не подозревала такого буйного интереса, – равнодушно пожала она плечами.

– И ничего нам не сказала? – укорила ее Зоя. – Ну да, ты же не переносишь вэйнов.

– Просто я иногда поражаюсь всеобщему слепому поклонению колдунам.

– Да брось, Тиса, – отмахнулась Зоя. – Марька, что еще Лопухина сказала?

Подруги долго обсуждали новость. Была высказана масса предположений, начиная с того, как будет, по их мнению, выглядеть вэйн, и заканчивая размером его годового жалования.

Так просто уйти от Кошкиных было невозможно. Настасья Ефимовна не пожелала слышать отговорок и усадила Ганну и Тису за стол вместе с дочерьми.

Глава 2. Возвращение

У флигеля Агапа помощница лекаря оказалась лишь около пяти вечера. Под кривым козырьком висела табличка с отбитым уголком «Лазареть». Старая известка стен местами облупилась. В прохладном коридоре от влажных половиц исходил специфический запах: Глафира, домработница Агапа, вымыла полы дезинфицирующим раствором.

В приемной лекаря не оказалось и в палате тоже – Тиса застала старика у кухонной плиты. В кастрюле, до блеска вычищенной новобранцами, кипело льняное масло. Агап Фомич помешивал варево деревянной ложкой, белый передник его постепенно покрывался жирными крапинками.

– Проходи, дочка, – Агап улыбнулся в седую бороду, стриженную под лопату.

За дверью девушка сняла с гвоздя фартук, перекинула тесемчатую петлю через голову и затянула пояс на талии. Затем какое-то время следила за движением рук наставника – старческих, потемневших от пигментных пятен, но довольно проворных – и старалась ничего не пропустить.

– Дай-ка мне полынь, – тыльной стороной руки лекарь поправил на носу очки с мутными слоеными стеклами. – На верхней полке. Не то, слева посмотри.

За пять лет работы в подручных у старика Тиса научилась разбирать его заковыристый почерк на склянках, как и их содержимое. Старый ореховый буфет ломился от множества всевозможных банок, бутылей, стаканчиков, коробков и бумажных свертков из пожелтевших от времени газет. Здесь лечебные пилюли и растворы для вливаний в кровь мирно соседствовали со снадобьями собственного приготовления. Последние были многочисленны, ибо старая школа, как говаривал старик, не заржавеет. Всё в ходу и в чести: от заурядного ромашкового чая до заспиртованной ящерицы, пчелиного мора и ядовитой настойки окопника. Поэтому вход на кухню, как и в кладовую, всем остальным, кроме Тисы и Глафиры, был заказан. Отыскав на полке банку с серым порошком и надписью «Полынь, сбор лето 22-го», Тиса распечатала ее.

– Сколько, дед Агап?

Лекарь поставил миску на весы.

– Сыпь. Я скажу, когда хватит. Вам, молодым травникам, все в граммах подавай... Достаточно, – остановил он Тису.

Фомич не спеша ссыпал порошок в кипящее масло, не переставая помешивать ложкой. Затем добавил в варево горсть головок красного клевера и зонтик заживухи.

– Я у Кошкиных была, – Тиса почесала локоть. – Дед Агап, а вы не знаете, есть ли снадобье для благополучных родов?

Старик приосанился.

– Для чего конкретно? Ускорить роды или замедлить? Кровотечение остановить? Боль унять?

Тиса рассказала об опасениях подруги.

– Зоя действительно худовата для такого плода. Волнуюсь я за нее.

Дед Агап задумался, ровно помешивая ложкой отвар.

– Коли причина в костном строении, то снадобье тут мало поможет. Но есть камень, каховик называется. Если его положить у изголовья роженицы, любые роды гладко пройдут, без малейших осложнений.

– А у вас есть этот камень?

– У меня нет. Но я видел его в Антейске в ювелирной лавке. Думаю, ежели в Антейске бывал, то и в Ижеске сыщется. Токмо камешек из дорогих, – старик поцокал языком.

Агап Фомич редко рассказывал ей о своей прошлой жизни. Благодаря Прохору Фомичу, названому брату Агапа, Тиса знала, что двадцать пять лет назад лекарь проживал в Антейске, где держал аптечную лавку с приемным кабинетом. А потом лишился ее – то ли сторела, то ли за долги забрали. Брат посодействовал и устроил Агапа в пограничную часть штатным лекарем. Так старик и попал в Увэг.

– А насколько дорогой?

– За его цену можно двуколку с лошадьми купить.

– Кошкиным точно не по карману, – покачала головой Тиса.

Поглядывая на погрустневшую помощницу из-под седых бровей, старик нехотя добавил:

– Антейский ювелир поведал мне, что каховик тот был найден в Теплых скалах, в южной части. Думаю, восточная не хуже будет.

Войнова подняла голову, глаза ее заблестели.

– Только прошу тебя, не ходи к Большухе одна, – взмолился лекарь. – Сорвешься – костей не соберешь. Прости мне мои слова, но вспомни свою матушку. Попроси Лазара Митрича, чтобы выделил пару ребят для этого. И не кричите там. Сама знаешь, что из-за криков обвал может случиться.

Тихий стук оборвал разговор. Лекарь шагнул от печи и распахнул дверь.

На пороге стоял смуглявый мальчишка лет восьми в латаной рубахе и коротких штанишках. Он опирался на самодельный костыль, держа на весу правую ногу, а свободной рукой прижимал к груди пучок травы тысячелистника.

– Здравствуйте! Я на процедуру. Вот, – протянул траву старику.

– Приветствую, молодой человек, – лекарь забрал пучок. Тиса приветливо кивнула «молодому человеку».

– Тысячелистник? Добро. От мигрени помогает, – Агап выдал ребенку монетку.

Довольный мальчишка спрятал ее в карман штанов.

– А ты подрос, Рич, – заметила Тиса, рассматривая малыша, – и оброс. Кудри до плеч достают.

Она потрепала вихры вороного цвета.

Лекарь пригладил бороду.

– Скажу Глафире, чтобы подстригла тебя. Давай ступай в приемную. Я сейчас подойду.

– Спасибо, – мальчишка кивнул. – А мы будем сегодня чай пить?

– Конечно.

– Со сладостями?

Услышав утвердительный ответ, Рич развернулся и заковылял к приемной.

Агап перестал мешать варево и установил кастрюлю на рассеиватель.

– Пусть теперь два часа томится. Потом в погреб снесу. Завтра мазь уже можно использовать при надобности: хорошо лечит растяжения и боли в суставах.

– Запомнила. Дед Агап, а когда ты меня будешь учить силуч готовить? – помощница который год заговаривала об этом, но старик все увивал. «И сейчас найдет отговорку», – подумала она. Но, на удивление, Агап согласился.

– Как соберем клюкву в этом году, так и приступать можно.

Он стянул с себя фартук, бросил на табурет. Вымыл руки под подвесным латунным

умывальником и исчез за дверью.

Тиса радостно улыбнулась. Она научится готовить силуч! Волшебное по своему действию снадобье для прибавления сил. Сложнейшее по количеству ингредиентов. Именно для силуча Агап заказывает через Ландуса из Ижеска порошок скорлупы драконьих яиц. Мурлыча под нос детскую песенку про шкодливого цыпленка, она сложила в мойку грязную посуду. Мыть не стала – оставила тетке Глафире.

Когда помощница лекаря появилась в приемной, Рич лежал на койке, застеленной чистой, хоть и прохудившейся простыней, сложенной пополам. Агап перевязывал колено мальчика бинтами, пропитанными целебной мазью.

Два с половиной года назад в Уwege объявился табор. Кочевники давали представление на базарной площади. Потом они покинули приграничный городок, а ребенок остался. Его не взяли с собой якобы потому, что Магда, бабка Рича, предсказала его исцеление в этом городе. Порою Тисе казалось, что они просто выкинули обузу из своих кибиток. Ребенка приютили монашки. Он стал жить при храме и просить милостыню у его стен. На ступенях паперти и встретил Агап своего юного пациента.

– Теперь укутаем тебя простыней, – шептал лекарь, – и хорошенько укроем. Тиса, тащи сюда козлиную шкуру из нижнего ящика комода.

Девушка выполнила просьбу и присела на край стола, заставленного пузырьками и стопками бинтов. Лекарь накинул шкуру на ногу Рича мехом к телу.

– Будет жарко, но ты знаешь, что так надо, – еще раз предупредил старик, щурясь на мальчишку через очки. – Зато потом будем пить чай с пряниками.

– Здорово! – заерзал ногами мальчишка.

– Токмо лежи смирно.

– Дед Агап, а вы знаете сказки?

Старик крякнул.

– Конечно знаю, – он свел кустистые брови, стараясь припомнить, – про волка-оборотня и семерых козлят.

Рич хмыкнул:

– Это сказка для малышей. Вот матушка Доломея всегда рассказывает мне отрывки из Святого писания, похожие на сказки. Но она говорит, что это все истинная правда.

– Слушай Доломею внимательно, Рич. Она не обманывает.

– Хотите, расскажу?

– Давай.

– Сначала была великая пустошь. И мира не было. Тогда задумал Единый создать мир. Первым позвал к себе Жнуха. Прибыл Жнух на земляном черве Ж-ж...

– Жвале, – подсказала Тиса.

– Жвале. И с помощью Жнуха Единый слепил земляной шар. И назвал его Хорн. Затем Бог позвал огненного Косиницу. И тот прибыл верхом на рыжем Лисе. И с помощью Косиницы Единый зажег очаг внутри Хорна, но не было на нем воды и воздуха. И тогда позвал Единый Лею и Небела... – Рич запнулся. – Дальше потом доскажу. Завтра матушка Доломея мне почитает. Дед Агап, расскажите мне хоть про оборотня и козлят, что ли.

Все трое засмеялись.

Мальчик слушал сказку и изредка перебивал вопросами: «А куда коза ушла? А где был седьмой козленок в это время? Что еще купила коза, кроме молока?»

– Все же это сказка для маленьких, – смешно сморщил нос Рич, когда она закончилась.

- Это почему же? – усмехнулся лекарь.
- Зачем же оборотню обманывать козлят, он же мог просто когтями засов порвать?
- Ишь, головастый какой, – крикнул Агап. – А может, засов размером с бревно был?
- Не-е, – протянул мальчишка, – козлята же маленькие, они бы тогда дверь не открыли.
- Ты слышишь, дочка? Молодежь нынче какая пошла! Уж и сказки им не такие, – проворчал по-доброму старик.

Тиса хихикнула.

– А оборотни плохие, правда? – спросил ребенок, поерзав на месте.

– Бывают и обозленные, но это не значит, что все такие. Любая тварь божия имеет выбор. Человек может заблудиться и служить злу, а оборотень – добру.

Рич слабо улыбнулся.

– Но люди их не любят.

– Просто боятся. Вон, летучих змеев тоже почти всех извели.

– Драконов?

– Драконов, – передразнил старик. – Это сейчас все уже их кличут по-заморски. Змей он и есть змей. Когда-то дед мой сказывал – дня не было, чтобы он их в небе не увидел.

– А где сейчас драконы? – продолжал расспрашивать мальчишка.

– Те, что выжили и не находятся под опекой Вэйновия, не такие дураки народу на глаза попадаться. Всегда найдется какой-нибудь рьяный «рыцарь» или охотник.

– Это точно, – добавила Тиса. – Вон, позапрошлой зимой объявился медведь у полей. Затравили так, что бедняга раненый еле в лес ушел. Представьте, если они дракона увидят! Они же его убьют. А он необыкновенный.

– Откуда вы знаете? – спросил Рич. – Вы видели дракона?

Девушка прокашлялась.

– На картинках в энциклопедии древних, – мысленно она отругала себя за неосторожность. – С детства обожаю эту книгу.

На лице ребенка отразилась жадность ученика, тянущегося к знанию. Однако он стеснительно промолчал.

– Если хочешь, я дам тебе почитать.

– Очень хочу! Спасибо, Тиса Лазаровна! А про оборотней там тоже есть?

– И про оборотней, и про драконов, и про рысаков. Там про всех древних написано.

– Здорово!

По окончании процедуры Рич, Агап Фомич и Тиса пили чай с пряниками. Вскоре с базара вернулась Глафира и, к пущей радости мальчишки, выставила на скатерть чиванские козинаки.

* * *

Должно быть, осень потеряла календарь и потому явилась раньше срока. Неделю лил дождь. Изредка тучи рассеивались и давали волю солнцу, но затем небо снова затягивалось лиловым мокрым одеялом. Ливень поломал планы сборщиков урожая и Тисы – намеченный поход на разведку к скалам откладывался. Травница почти все время проводила в лазарете с Агапом Фомичом за перебиранием сырца и изготовлением мазей и настоек.

Сегодня лекарь повез часть запасов в аптечную лавку на базарную площадь. Аренда

части прилавка у Ландуса стоила Агапу половины выручки, но намеки помощницы, что хорошо бы открыть собственную лавку в городе, так и пропадали втуне.

Предоставленная сама себе, Войнова коротала время в библиотеке. Она расположилась на диванчике у старого письменного стола, поджав под себя ноги. На столе, стуле и даже на полу валялись книги.

«И здесь ничего», – Тиса отложила в сторонку «Имперский рудокоп» в синем переплете.

Просмотрев еще десяток книг, она наконец нашла, что искала, в тонкой серой книжонке под названием «Природные обереги».

Несколько скудных строчек: *«Каховик – непросвечивающий фарфоровидный бледно-голубой камень. Считается естественным природным оберегом. Камень обеспечивает беременным благополучные роды и дает жизненные силы новорожденному и матери. В природе встречается редко, главным образом в виде желваков, а также коротких линз и прожилков длиной от 1 до 10 вершков. Минерал используется в создании украшений и амулетов. Высоко ценится в ювелирном деле».* Ниже располагалась иллюстрация каховичной жилы, встречающейся в природе.

«Похоже на заплесневелый хлеб», – подумала Тиса и захлопнула брошюру, подняв облачко пыли, даже нос зачесался.

Расставив книги на их законные места, девушка заглянула в смежный с библиотекой кабинет отца. Тяжелый стол из вязовой древесины посередине, кресло со смятой плюшевой обивкой. Ряд стульев вдоль стены, на которой висит карта Ижской губернии. Кстати, на стенах кабинета – наклады, заглушающие шум: если плотно закрыть дверь, подслушать разговор извне невозможно. Накладывались чары полвека назад при строительстве корпуса.

При жизни мамы кабинет украшали комнатные цветы. Она заходила к отцу с лейкой, и родители вместе поливали герань и столетник. Тиса слышала их смех и забегала в эту комнату, в иное время ей возбранялось входить сюда. С тех пор прошли годы. Казалось, кабинет высох и потрескался, как земля в цветочных горшках.

Тиса потрогала отцовский бювар, просмотрела стопку писем. Два послания пришли из Ижеска, одно – из Горной Рудны. И толстый вскрытый конверт с оттиском печати имперской стражи – из Крассбурга. Тиса не удержалась и извлекла письмо.

Оно оказалось довольно занудным, касающимся реструктуризации имперской стражи, и девушка засунула его обратно. И только потом заметила под конвертами маленький пожеванный листок, свернутый в трубочку, что могло означать лишь одно – послание прибыло голубиной почтой. Развернув его, Тиса прочитала:

«Войнову Лазару Митричу.

Здравия желаю, капитан.

Смею доложить. Сегодня неделя, как мы выехали из Ижеска. Зарай Климыч передумал заезжать в Ломовой, так что к обеду мы свернули на Сеевскую дорогу. По подсчетам: в Увек прибудем второго числа сентября.

Старшина Витер Дмитриевич Крохов».

Тиса вернула бумагу на место, присела на подоконник. За стеклом блестели мокрые крыши казарм, по карнизу стучал дождь. Во дворе – никого, за исключением свиньи, роющей пятаком грязь у бочки с водой.

– Через четыре дня, – прошептала она. – Камилла обрадуется. И Зоя.

«Истина велика и прекрасна лишь в первозданной нагоде своей. Она не боится показаться обнаженной, ибо в ней нет ни малейшего изъяна... Истина самодостаточна и не нуждается во всякого рода румянах и золотых побрякушках. Так стоит ли все усложнять и искусственно создавать загадки там, где их нет? Жизнь и так полна нераскрытых тайн и чудесных откровений».

Тиса откинулась на спинку кресла, размышляя над словами философа. Мудрец отвергал ложь во всех ее проявлениях и призывал к правде. На страницах трактата заиграли робкие лучи солнца. Погода менялась к лучшему.

Со двора донеслись возбужденные крики. Глянув в окно сквозь пеструю листву кротона, девушка поспешила из гостиной. В коридоре она чуть не столкнулась с Улей.

– Отряд приехал! – горничная, радостная и раскрасневшаяся, торопилась к выходу на крыльцо. Войнова последовала за ней.

У ворот военной части шумела толпа встречающих. Въезжающие всадники устало улыбались в ответ, здоровались. Нагруженные баулами, шагали лошади. Животные фыркали, чуя скорый отдых и заслуженные ясли с овсом. Тиса помахала Руслану, мужу Зои. Здоровяк смущенно кивнул в ответ. Витера невозможно было не заметить – старшина отдавал распоряжения, держа ладонь на рукояти сабли. Тиса была согласна с Зоей: если говорить о служивых, то Витер – само воплощение истинного воина. Прямая спина, сильное тело, жесткий подбородок, тяжелый взгляд, заставляющий подчиненных повиноваться беспрекословно. Он крикнул что-то солдату на проходной, и тот бросился закрывать ворота. Тиса заметила, что с седла старшины позади вещмешка свисала туша здорового волка. Что бы это значило?

Девушки из прачечной закричали приветствия, и Витер криво улыбнулся: все-таки внимание толпы ему льстило. Тиса почувствовала на себе его взгляд и отвернулась к Камилле. Стряпуха со слезами на глазах махала сыну носовым платочком.

– Яшка мой, только погляди, совсем исхудал.

Старшина не позволил подчиненным спешиться. Отряд миновал внутренние ворота, направляясь к казармам, и толпа зевак потихоньку начала рассеиваться. Войнова вспомнила, что нужно ехать к плотнику, и вернулась в дом. Нижнюю ступеньку лестницы истоптали до дыр в прямом смысле слова, и она собиралась заказать новую на замену. Обмерив ступеньку портняжной лентой, девушка зашла на кухню и угольком записала размеры на клочке старой газеты. Ночной дождь развел грязь на дорогах, поэтому от прогулки верхом она отказалась и попросила Цупа отвезти ее на бричке. Тряска, конечно, мучительна, но зато получится быстрее, да и юбка останется чистой.

Поездка удалась: Войнова договорилась с плотником о заказе на меньшую сумму, чем рассчитывала. По дороге заглянула в булочную и купила халу с маком, чтобы вечером в гостиной провести время за философским трактатом, попивая молоко и закусывая сдобой. После чтения отнесла книгу в библиотеку, там и вспомнила о своем обещании Ричу.

Двумя пинками Тиса заставила дубовую стремянку сдвинуться на полсажени левее и, подобрав юбку, залезла на верхнюю ступень, чтобы обшарить полку второго от окна книжного стеллажа. Фолиант лежал на том же месте, где она когда-то его оставила. Погладив шершавый зеленый корешок, смачно чихнула, сдув пыль с тисненой надписи

«Энциклопедия древних».

– Ну и пылища! Надо отправить сюда новобранцев с тряпками.

Книга сама раскрылась на разделе «Драконы», явив взору красочные иллюстрации. Какой Рич счастливый, он только откроет для себя эту энциклопедию.

Спустившись с лестницы, Тиса по привычке устроилась на подоконнике, однако налюбоваться на рисованных змеев не успела – послышался звук открываемой двери отца кабинета, а затем и мужские голоса. В просвете меж книжными полками девушка разглядела отца и его подчиненных.

– Руслан, завтра отвезешь бумаги в таможню. Пусть Климыч поставит печать. Витер, на неделе примешь в свое подразделение молодняк. Оформишь как обычно.

– Давайте, ребята, день вам, чтобы отоспаться, потом возвращайтесь в строй. В кабаке не засиживайтесь, – хохотнул Кубач. – Гонять вас буду.

Дверь кабинета хлопнула. Тиса надеялась, что военные покинут библиотеку, не почуяв чужого присутствия, но Витер заметил ее и приблизился. Пришлось быстренько слезть с подоконника и расправить юбку.

– Тиса Лазаровна, мое почтение, – старшина склонил голову. – Рад найти вас в добром здравии.

Войнова заметила, что мужчины успели привести себя в порядок после дороги: пыльную одежду сменила чистая форма, подбородки выбриты, бакенбарды на щеках выведены в мысок.

– Мы не помешали вам? – Руслан спрятал за спину большие ладони.

– Нисколько, я как раз закончила читать, – солгала Тиса, вовремя вспомнив о вежливой улыбке. – Мне не менее отрадно, что все вернулись живыми и невредимыми.

Старшина облокотился на полку стеллажа.

– Живыми – да, но невредимыми вернулись не все. Как говорится, без кровопролития не обошлось.

Тиса широко распахнула глаза. Витер остался доволен произведенным эффектом.

– На обратном пути, как проехали Сеевку, на нас напала стая гигантских волков и чуть не порвала на ниточки.

– Не бойтесь, Тиса Лазаровна, Вит преувеличивает, – пробасил Руслан.

– Преувеличиваю?! – взвился Крохов. – Да Климычу чуть руку не отгрызли! Теперь начальник таможни долго не расстанется с повязкой. Меня тварь цапнула за икру и, если б не сапог, вырвала бы кусок мяса как пить дать. Однако мы стаю на славу проредили. Пятерых волков я сам из стреломета уложил.

Он не смог скрыть самодовольные нотки.

– Вы, наверное, заметили зверя, которого я привез? Это еще не самый крупный экземпляр. Но для чучела его шкура оказалась самой малоповрежденной.

– Тем, у кого раны от укусов, нужно обязательно показаться врачу, – хрипло заметила Тиса.

– Чтобы старик заставил выпить какую-то дрянь? – отмахнулся Витер.

– Вы слышали о бешенстве, старшина? – упрямо сказала капитанская дочь. – Это не шутки.

– Хорошо, – смирился он. – Только ради вашего спокойствия.

Она почувствовала себя неловко под пристальным взглядом черных глаз.

– Что нового в Ижеске? – обратилась к скромно стоящему в стороне Руслану, чтобы

сменить тему.

Однако Крохов решил, что вопрос задан ему.

– Да уж, Ижеск не то что наша деревня. Есть на что посмотреть.

Старшина в подробностях описал известный охотничий клуб, в котором они побывали.

По его словам, это был не клуб, а настоящий дворец.

Тиса заметила, что Руслан рассеянно слушает сослуживца, и спросила:

– А вам, Руслан, понравился Ижеск?

– Город хорош, да дома лучше, сами знаете.

– Зоя вас очень ждет.

Витер многозначительно взглянул на товарища.

– Пожалуй, мне пора, – Руслан поторопился распрощаться. – Мое почтение, Тиса Лазаровна. Приходите к нам, жена всегда вам рада.

Девушка ужаснулась – получилось так, будто она намекнула парню оставить ее наедине с Витером.

– Подождите! – щеки ее порозовели.

Но старшина плечом уже оттеснил друга к двери и бросил ему вслед:

– Передавай привет супружнице.

Тиса старалась придумать предлог, чтобы поскорее закончить беседу, мозг, как назло, отказывался выдавать идеи. Витер же, наоборот, искал тему для разговора.

– Мы б на полчаса раньше приехали, кабы не градоначальник. Встретили его коляску на развилке. Лавр нес какой-то бред о вэйне-погоднике из Крассбурга. Видели бы вы лицо Климыча! Тут всего ничего доехать осталось, а Лавр со своей чепухой задерживает. Вы, конечно, в курсе этой новости?

– Да, я уже слышала.

Какое-то время они молчали. Девушка старательно избегала взгляда старшины. От неподвижности онемела и заколола мелкими иголками пятка.

– Можно узнать, что вы читаете? – поинтересовался Витер.

Она показала обложку энциклопедии.

– Не устаю восхищаться вашим кругозором, Тиса Лазаровна. Или постойте... Уж не видели ли вы в лесу кого из этих тварей?

Крохов нахмурил лоб, одновременно в глазах его загорелся азартный огонь. Тиса испуганно сморгнула и отрицательно замотала головой. К счастью, мужчина нашел свое толкование ее растерянности.

– Не бойтесь, Тиса Лазаровна. Я готов вас защитить от любого чудовища, пусть только сунется, – в голосе зазвучали покровительственные нотки.

Витер придвинулся к Тисе. Девушка отступила на пару шагов и уперлась спиной в подоконник. На ее счастье, в библиотеку, гремя ведром, вошла Уля, собираясь мыть полы. В руке она крепко держала швабру. Толстая коса нынче была уложена в красивый веночек на голове.

– А, вот вы где, Тиса Лазаровна! Вас Камилла к обеду кличет.

Витер неохотно отодвинулся от собеседницы, метнув раздраженный взгляд на горничную.

– Витер Дмитриевич, я, пожалуй, пойду, – Тиса воспользовалась случаем и протиснулась мимо парня. – Всего вам доброго.

Глава 3. Обвал

На следующий день Тиса отправилась навестить древоеда, а заодно решила на обратном пути присмотреться к скалам. Оставив позади огороды и сады пригорода, пустила Ватрушку рысью вдоль кромки поля. Солнце грело спелую рожь, ветер высушивал засевающую в колосьях влагу. Разбитая телегами дорога еще хранила в рывтинах следы дождей – бурые мутные лужи приходилось объезжать по обочине. Через два часа Тиса миновала хибару, огороженную забором, на кольях которого висела шкура огромного черного медведя. Во дворе у сложенной поленницы Афонасий Шишкарь рубил дрова. Коренастый лесничий издали завидел всадницу и вогнал в пенек внушительного вида топор.

– Здравствуйте, – поприветствовала его девушка и в ответ получила хмурый кивок.

«Смотрит так, – подумала Войнова, – словно я у него в кармане рыться собралась». Но что поделаешь, Шишкарь недолюбливал всякого, кто покушался на лес, который он считал чуть ли не собственным уделом. Она из леса часто вывозила полные корзины лечебных плодов и растений, а что собиралось сырье далеко за пределами его вотчины, Афонасий в расчет не брал. Хотя сам любил поохотиться на живность. Вон, сколько шкурок под стрехой болтается.

У опушки Тиса повернула на восток, где за лесом, у самого горизонта Большуха щерилась скалистыми пиками, словно щука зубами. Можно было бы не сворачивать с дороги и доехать до начала перевала, а потом продвигаться вдоль гряды по открытой местности. Но так путь удлинился бы на четверть. Да и зачем? Что может быть прекраснее леса? Щебет птиц, запах листвы, сосновой смолы и грибов. Если по-над опушками поискать, наверняка туесок лисичек и маслят набрать можно.

Она ехала, пока не кончились тропки и чащоба не встала стеной. Дальше – пешком. Кобылку пришлось привязать на длинном ремешке к корню дуба – пусть траву щиплет.

Тиса в лесу чувствовала себя как дома: нырнула под ветку ели, перелезла через бревно, обошла овраг. Ступала мягко, не торопясь, ориентировалась по солнцу и белому пику Большухи, который можно было увидеть только на полянах. Остановилась у зарослей лещины, набрала в карман горсть крупных орехов. Под ногами заметила изрытый чернотом – видно, самка кабана с поросятами приходила поживиться орешками.

Чем ближе подходила к болоту, тем сильнее менялся лес. Вместо статных деревьев все чаще попадались низкорослые сосенки с узловатыми скрюченными стволами, а под ногами сминался мох. Поутихли голоса птиц, мир будто замер в безмолвии. Всякий раз, когда приходилось пересекать это место, Тиса внутренне напрягалась, даже издали ощущая, что где-то там посреди топи стоит Гартова башня – черная и немая. Десять лет прошло, как пропал старик Гарт, но никто так и не отважился заглянуть в жилище вэйна и узнать, что с ним. Возможно, тому поспособствовали слухи о черном рыцаре, который якобы бродит по болоту.

«Пиви!» – пропел кулик. Напугал, чертяга.

Тиса отмахнулась от тревожных мыслей. Впереди среди пучков осоки показались топяные оконца – опасно. Девушка достала из холщовой сумки тесак и срубила ствол молодой осины. С импровизированным шестом осторожно двинулась по кочкам, выбирая те, что ближе к кустарнику. Раз все же оступилась и угодила в мочажину, но испугаться не успела. Вытащила ногу из жижи – хорошо, ботинки крепко зашнуровала, а то бы оставила

подарок кикиморе.

Твердая земля встретила буйной зеленью – не то что без троп, тут просто десяток шагов пройти непростая задача. Увежане сюда редко хаживают: это место отделяли от любопытных Теплые скалы с одной стороны, а с другой – Гартово болото, наводящее на жителей суеверный страх.

Тиса продиралась сквозь чащу, расчищая дорогу тесаком. Наконец она выбралась на просеку саженной восемь шириной. Сплошь бурелом: пни, покрытые молодой порослью, стволы поваленных деревьев, под ногами пружинил ковер из отсыревшей стружки. Да и пахло, как на лесопилке. «Наломал ты дров, дружок».

Неудивительно, что древоеда она нашла за трапезой. Положив толстое желтоватое пузо на землю, древний точил ветку заваленной липы. Точно огромный зеленокожий кролик, он вгрызлся в нее двумя передними зубами и громко чавкал. За те полгода, что Тиса не навещала древоеда, он успел отутюжить гектар леса. Две белохвостые чирки, завидев незваную гостью, бросили выбирать насекомых из кожных складок ящера и разом упорхнули с его спины.

Древоед перестал жевать и уставился на девушку блестящими выпуклыми глазами. Фыркнул, повел длинным хвостом, сгребая в кучу бревна, и снова принялся грызть липу.

Память у древоедов короткая, нрав дружелюбный – об этом Тиса читала в энциклопедии древних животных еще в детстве. Сначала расстраивалась, что ящер ее не помнил, а потом подумала, что к лучшему.

Войнова присела на пенек, сняла с сухой коряги клочок зеленого пуха, помяла его в руках. Шелковистые волоски грели ладонь. Линька. Древоед повзрослел, обзавелся толстой кожей – вон какой здоровяк! А был не больше телят, когда его из ямы вытаскивала. Радости-то было! С детства мечтала увидеть хоть одного из древних (мордоклюв не считается). И вот, пожалуйста, – найденыш. Из семейства драконьих, между прочим. И ничего, что века превратили крылья в два кожистых бугра.

Тиса собралась было спрятать пух в карман, но тот сорвался с рук и полетел под дуновением ветра. Достав из ботинка нож, она прицелилась и метнула: клинок послушно пришил комок пуха к стволу обломанной ольхи. Губы растянулись в довольной улыбке. Положив добычу в карман, Тиса еще пару раз метнула нож, прежде чем вернуть оружие на место. Перед обратной дорогой присела перекусить припасенным бутербродом с солониной и петрушкой.

– Когда в следующий раз увидимся, не знаю. – Она поднялась. – Повезло, что ты за Гартовым болотом устроился. Увежане боятся к нему приближаться, а то досталось бы тебе на орехи. Боюсь даже подумать, что было бы, если б о тебе в части узнали.

Невольно вспомнился азарт в глазах Витера, когда разговор зашел о древних.

Сияющее улитка-солнце, еще по-летнему теплое, перевалило через пик небосклона и поползло вниз. Махнув древоеду рукой на прощание, девушка скрылась в чаще. Ящер даже морду не повернул – увлеченно заламывал передними лапами желтолистый граб.

Ватрушка приветствовала хозяйку радостным ржанием.

– Заждалась? – прежде чем забраться в седло, Тиса протянула кобыле горсть малины, которые та подхватила с руки мягкими губами.

Теперь к Теплым. С этой стороны гряда не исхоженная, не то что с перевала. Как-никак больше вероятность приметить жилу.

Вот она, Большая, царство каменных исполинов, подпирающих небо. У подножия

покоится гряда огромных, больше человеческого роста глыб, щербатых и вечно теплых, даже при лютном морозе. Тиса повела Ватрушку вдоль гряды, всматриваясь в хоровод скал. Вдруг повезет, и покажется ей каховичная жила. Вот что-то блеснуло за широким уступом, словно голубой всполох... Или показалось? «Нужно вернуться и проверить при удобном случае».

Обратный путь показался короче. Уже через три часа всадница въезжала в Увэг. Поднимаясь в горку по Пятичной улице, она не сразу заметила известную парочку забияк, иначе свернула бы в Весенний переулок.

Худой костлявый Казимир Семечкин, или просто Казик, пошатывался и смотрел под ноги, чтобы не упасть. Судя по горлышку бутылки, торчащему из кармана мятых штанов, бездельники уже отметили новый день. Здоровяк по кличке Пыж держался бодрее. Красные глаза его не сразу сфокусировались на Тисе, но как только им это удалось, пьяный ухмыльнулся и заорал:

– Эй, красотка! Куда же ты?! А поцеловать?

Войнова пришпорила кобылу, минуя мужчин, за спиной послышались ругательства.

До чего неприятные типы! Эта парочка наводила шорох по всей округе. Самой скандальной оказалась их выходка прошлой весной на похоронах бабки Фрони, матери пекаря. Дождавшись, пока убитые горем родственники покинут на ночь комнату с покойницей, эти шалопаи забрались в дом. Привязав к кисти усопшей веревочку, кончик ее протянули через окно на улицу. Поутру прибыли певчие и только затянули протяжно «отходную», как вдруг новопреставленная помахала священнику белой ручкой. Естественно, бедолаг-храмовников с жуткими воплями вмиг вынесло на улицу.

* * *

Случай выбраться в Теплые представился через пару дней. Девушка взглянула вверх на скалистую гряду, где в пятидесяти локтях от земли большой каменный уступ образовал площадку. Там ей в прошлый раз и привиделся голубой отблеск.

«Ганна не одобрила бы», – думала Тиса, надевая холщовые солдатские брюки с карманами. В шлевки на поясе продернула толстый кожаный ремень, за него заткнула подол юбки. Ватрушка, привязанная к сосне, укоризненно фыркнула.

– Чего фыркаешь? Думаешь, удобно в юбке по скалам лазать? Попробуй сама. Или тебе не нравится, что я Агапу ничего не сказала? А зачем старику волноваться? Тут не особо высоко. Справлюсь.

Наметив маршрут подъема, выбирая более пологие места, Войнова закинула на плечо сумку. Первые пятнадцать саженей поднималась по насыпи у подножия гряды. Осторожно, чтобы не упасть и не съехать вниз. Затем с уступа на уступ, с глыбы на глыбу, придерживаясь за каменные откосы. Когда половина пути осталась за спиной, Тиса глянула вниз. Ватрушку закрывали пушистые кроны сосен. Расстояние до земли неожиданно показалось внушительным.

– Понесла ж меня нелегкая, – прошептала девушка себе под нос. Кажется, в пятнадцать лет все было намного легче, когда она забиралась на скалы ради развлечения. Тиса решила больше не смотреть вниз и быть предельно осторожной. Край скалистой площадки, за которым, как ей верилось, как раз и голубела жила каховика, медленно приближался. Последние сажени давались с трудом. Чем ближе цель, тем более отвесной становилась

скала.

«Так, сначала основательно прошупать очередной уступ перед тем, потом перенести на него вес тела. Еще немножко». Благо, надела старые перчатки, иначе мигом стерла бы ладони в кровь. Ссадин и царапин и так вдоволь нахватала. «Добралась!» – Тиса уцепилась за острый край. Подтянулась и вдруг вздрогнула – на площадке стоял человек. Темная мужская фигура. Ноги самовольно соскользнули с уступа. Девушка громко вскрикнула, повиснув на одной руке. Далеко внизу качнулись сосны и насыпь. Неожиданно сильные руки обхватили ее предплечье.

– Я вам помогу. Давайте вторую руку, держу вас, – незнакомец говорил отрывисто и хрипло.

С чужой помощью Тиса забралась на площадку, поднялась с колен. Взглянув в лицо спасителя, облегченно вздохнула: у страха глаза велики. Выбраться ей помог паренек лет семнадцати, с высоты ее двадцати шести – сущий мальчишка. Худой до жалости, невзрачной внешности. Словно пылью припорошенный, как сказала бы Камилла. Голову паренька стягивал обруч, а за ухом торчало перо. Сразу ясно – из шкалушей. Шкалуши – народец Рудненских Облачных гор – любят украшать себя перьями и крашеными нитями из козьей шерсти. В подтверждение мыслям Тиса разглядела на пальце юноши косичку из цветных ниток – подобие кольца и еще сплетенное ожерелье вокруг шеи. Льняная рубашка-косоворотка сидела на нем слишком свободно. В остальном же – самый обычный парень, каких и в Увеге полно.

Заметив, что юноша в ответ хмуро оглядывает ее одежду, Тиса хотела было высвободить подол юбки из-за пояса, но передумала. Плевать. Не император, чтобы она тут смущалась, как девчонка.

– Благодарю за помощь, – губы сами растянулись в улыбку облегчения.

– Что вы здесь делаете? – спросил шкалуш.

– Я ищу... – Тиса запнулась.

– Что?

– Прости, но это мое дело, – закончила девушка. Тон горца ей не нравился.

Она оглянулась. Площадка уступа оказалась шире, чем она предполагала, шагов десять от края до стены и не менее двадцати вдоль. Краем глаза Тиса заметила, что в нише скалы лежат мешок и дубинка, очевидно, вещи паренька. Увы, к ее огорчению, голубой каховичной жилы здесь не оказалось. Зато справа от площадки ответвлялась тропинка, по которой можно пройти по-над стеной к следующему широкому уступу.

– Глупо было взбираться без страховки, – горец покачал головой.

Тиса вспомнила о прочной и легкой веревке в сумке. Действительно, можно было подстраховать себя на последних локтях. Дала маху, что называется.

– Да, пожалуй, – согласилась. – Сам-то что здесь делаешь?

– В Увег иду.

– Мне кажется, ты выбрал не самый легкий путь. В десяти верстах к северу – перевал.

Паренек показал пальцем на перо за ухом.

– Мне по бездорожью привычнее.

Ах да, шкалуш.

– Удачи, – пожелала Тиса на прощание и подумала, что неплохо бы пройти по каменной тропинке до следующей скалистой площадки. Раз уж залезла сюда, грех не осмотреться.

Парень не ответил. Лицо его вдруг помрачнело, он задрал голову, словно увидел что-то на вершине гряды. Войнова проследила за взглядом шкалуша – лоскутное небо и зубья скал. Ничего необычного.

– Как я мог забыть, – парнишка сжал ладони в кулаки. – Вы же кричали, а в Теплых порода разрушается при высоких звуках. Будет обвал!

Он говорил что-то еще, но было уже не слышно – последние слова поглотил нарастающий рокот над головой.

Время словно растянулось. Будто во сне Тиса наблюдала, как от верхушки скалы откололся огромный кусок и ринулся вниз. Надвигаясь, он с оглушительным треском раскалывался о преграды, дробился на множество каменных глыб. Еще доля секунды – и рой камней заслонил собой полнеба. Тиса в панике оглянулась. Пока она ошарашенно соображала, шкалуш уже успел укрыться в скалистой нише. Присел, сторбился в обнимку с мешком. Вот как надо уметь спасать собственную шкуру! А ей тут пропадай – ведь спрятаться в нише уже не успевала. Она бросилась в сторону тропинки, возможно, еще есть шанс уйти из-под смертельного камнепада. За спиной раздался грохот, скалу под ногами трянуло. Девушку снесло с тропы, она покатила и ударила головой о каменный откос. Последней мыслью, прежде чем свет окончательно померк, было: «Это конец. Мама, встретишь ли ты меня там?»

Очнулась в звенящей тишине, даже не предполагая, сколько пролежала без сознания – минуте, час или больше. В воздухе висело облако пыли, на зубах скрипел песок. Тиса медленно поднялась. Удивительно, но ноги не дрожали. Не считая пощипывающего ушиба на голове, в целом она чувствовала себя хорошо. А вот шкалушу, похоже, смертельно не повезло: ниша, которая должна была служить ему защитой, оказалась доверху засыпана породой. Понимая, что парня уже нет в живых, Тиса все же кинулась к завалу.

– Шкалуш! – звала, не повышая голоса. В ответ – тишина. Почему-то мысль, что она даже не узнала имени незнакомца, заставила почувствовать себя несчастной. Тиса постаралась сдвинуть гранитную глыбу. Тщетно. После нескольких бесполезных, к тому же опасных попыток девушка отказалась от своих намерений. И физические, и душевные силы покинули ее. Упав на обломок скалы, девушка разревелась. По измазаным каменной пылью щекам пролегли дорожки слез. Как бы она ни хотела верить в обратное, но стоило смотреть правде в глаза: юноша мертв. Обвал, вызванный ее криком, унес жизнь человека.

Тиса не знала, сколько времени просидела у завала, прежде чем заставила себя двигаться. Она подползла к скалистому краю и оглядела откос, пытаясь определить, с какой стороны будет лучше слезать вниз. Склон ей не понравился. Показалось, что более удобен спуск с соседней площадки, куда и привела ее тропинка по-над отвесной стеной. Там, набросив на выступ-якорь веревку, Войнова сползла по ней на удобный валун, от которого почти благополучно добралась до подножия: лишь на «сыпухе» поскользнулась и проехала на мягком месте до твердой земли, в ключья разодрав брюки и юбку и добавив себе новых ссадин.

Спустя три часа Тиса миновала развилку и свернула на дорогу к Уведу. Багровый закат подчеркнул черный абрис опушки и пролесков. Прохладный ветер освежал щеки и плечи. Устав телом и душой, Войнова уныло покачивалась в седле. Через полчаса езды за спиной послышался шум – вдалеке ехала карета, запряженная парой лошадей. Станным образом животные не поднимали пыли, но всадница этого не заметила. Не проявив ни малейшего любопытства, Тиса повела Ватрушку по обочине, чтобы не мешать проезду. И подосадовала,

когда карета остановилась, поравнявшись с ней: сейчас ни с кем не хотелось общаться. Только мужичок на козлах собрался было что-то спросить, как из окна кареты высунулась пожилая дама в чепце и властным голосом спросила:

– Э-э, милочка, мы верно едем к Увегу?

Она окинула девушку взглядом – от чумазого лица до пыльных разодранных брючин, видневшихся из-под юбки. Острый нос дамы поморщился, будто к нему поднесли тухлое яйцо.

– Да, – Тиса кивнула, собираясь двинуться дальше.

– Подождите, я не закончила! – воскликнула женщина. Она обернулась и укорила кого-то, сидящего рядом: – Вот куда ты меня везешь, Филипп?! Здесь совершенно не знают, что такое этикет. Никакого уважения. Как я и предполагала, это кошмарное место.

– Ма, не начинай, – ответил ей приятный баритон. В сумраке кареты Тиса различила тонкий мужской профиль.

Острый нос дамы снова повернулся к Тисе.

– Скажите, милочка, сколько до Увега осталось? Я должна знать, как долго мне еще страдать от этой тряски.

– Полтора часа, никуда не сворачивая, и вы прибудете в Увег. Еще есть вопросы, сударыня?

Пожилая дама, сверкнув глазами, оставила девушку без ответа. Крикнула вознице:

– Трогай!

Карета тронулась. До Тисы долетели слова «невоспитанная» и «оборванка».

Добравшись до дома, девушка воспользовалась сумерками и прошмыгнула в свою комнату никем не замеченная.

Глава 4. Новобранец

Она плыла в тумане, качалась на его ватных волнах.

– Я прибыл на место, – чей-то далекий голос.

– Ты знаешь, что делать, – раздавшийся в ответ приказ словно толкнул ее. Волны тумана захлестали сильнее.

– Тотум слишком долго принадлежал одному хозяину... не забрать... владелец должен сам отдать его, затем уничтожь всех, кто прикасался к... – слова появлялись и пропадали, словно пузыри со дна омута.

Туман рассеивался медленно, ввергая ее в непроглядную тьму.

Камилла закончила размешивать тесто в круглобочной кастрюле. Пухлые руки ловко накрыли его льняным полотенцем и поставили греться на уступок печи. На обеденном столе стояла тарелка с яблочным вареньем для будущего пирога. В другой раз Тиса уже макнула бы в него палец и облизала, но сегодня ее ничто не радовало.

– Не знаю, какое тесто получится. Мука новая. А на Жнухову Горку приготовлю пирог с орехами, медом и облепихой. Мне Петровна рецепт дала. Пальчики оближете! Яшка мой на следующей неделе в станицу заступает на пятую сторожу, как ноги носить-то будет? Говорю, забегай ко мне на кухню, сынок. Что в солдатской столовой Жич кашеварит? У него не разъешься. А он мне: «Мать, не кудахчи. Я не голоден».

– Проголодается, сам прибежит, – хмуро ответила Тиса.

Сегодня она проспала до обеда. Полежав в лохани с ромашковым отваром, заметила, что от вчерашних царапин мало что осталось. О вчерашнем спуске по насыпи напоминали только небольшие синяки на ногах да шишка на макушке. Клеверный бальзам помог.

Камилла взглянула на девушку.

– Ты что-то бледная сегодня. Не заболела ли?

Та отрицательно махнула головой. Не рассказывать же, что вчера из-за ее крика погиб шкалуш, и теперь ей предстоит тяжелый разговор с отцом. Как бы там ни было, совесть на том настаивала: ну не могла Тиса утаить от отца гибель чужака в скалах. Она вздохнула, понимая, что последует за этим разговором. Батюшка снова поручит своим солдатам следить за ней. Конечно, отделаться от такой охраны легко, но все-таки не хотелось и дня таскать за собой этот хвост. Но это еще не все. Ночами опять нарисовались видения, и блокировать их стало намного сложнее. Сплошной бред, от которого просыпаешься в поту.

Камилла тронула бледный лоб хозяйки.

– Вроде не горячий... Я чай мятный заварила, налить тебе кружечку?

– Нет, спасибо, просто голова немного болит, – соврала Тиса.

– По мне, так голова всегда болит от голода, – стряпуха смахнула со стола остатки муки в ладонь.

Слушая кухарку вполуха, девушка повисла на локтях на подоконнике и рассеянно наблюдала за строем солдат, пересекающим двор, пока тот не скрылся за голубиной башней. Она скользнула взглядом ко внутренней проходной и заметила отца, разговаривающего с Витером и Кубачом. Они загораживали собой четвертого собеседника. Когда капитан сдвинулся на шаг, не поверила глазам: последним оказался не кто иной, как давеча усопший шкалуш.

– Живой! – радостно прошептала Тиса.

– Кто живой? – не поняла Камилла.

Но Войнова уже выскочила из кухни. Миновав коридор и узкую переднюю, вылетела на крыльцо и замерла у столба, подпирающего козырек, прислушалась.

– Говоришь, в Горной Рудне охранником работал? – спросил отец.

– Да, при кабачке, – кивнул шкалуш.

– Кабачок случайно не огородный был? – хохотнул Кубач.

– Никак нет, – промямлил паренек.

– Значит, опыт какой-то есть, – одобрительно кивнул отец. – Хорошо. Витер, возьми себе мальчика.

– Но капитан... – тот явно не впечатлился сомнительным приобретением.

Отец строго взглянул на подчиненного, а паренька похлопал по плечу.

– Только служить в пограничной страже – это тебе не двери кабака стеречь. Здесь, брат, родину защищать придется.

– Постараюсь не подвести! – проникновенно сказал шкалуш.

Командир кивнул, за хмурым видом чувствовалось его одобрение.

– Витер, распорядись по поводу белья, койки. Как обычно. И уж больно тощий... Скажи Жичу: две порции мальчишке давать в течение месяца.

– Думаешь, откормим, Лазар? – Кубач продолжал потешаться.

– Будет сделано, Лазар Митрич, – Витер хлопнул новобранца по второму плечу. Ноги паренька дрогнули. – Проявлю особую заботу.

– А вы, молодой человек, осваивайтесь, учитесь. Не посрамите свое училище. Успехов.

– Спасибо, – поблагодарил шкалуш.

Подождав, пока капитан и Кубач скроются из виду, Крохов повернулся к новобранцу.

– Значит так, салага. Запоминай. Сначала в баню. Затем в цирюльню, патлы состричь. Бабью красотульку с головы снять.

– Это обод чести, – гордо произнес горец. – У нас такие все мужчины носят.

– Будешь в Рудне – носи хоть юбку с панталонами. Здесь тебе пограничная часть, а не бордель. Я понятно выражаюсь? Не слышу ответа!

Шкалуш опустил голову.

– Так точно.

– А это что за нитки на шее?

– Оберег.

– Ну ладно. Баня за голубятней, как зайдешь – первая дверь налево, – старшина указал направление. – На складе у Шильча получишь набор белья, сапоги, мыло...

– А оружие? – протянул шкалуш, поглядывая на боевую саблю в его ножнах.

– Не наглей, пацан. Обойдешься пока своей дубинкой. Кру-у-угом! Шагом марш в баню!

Тиса проводила взглядом широкоплечего Витера и щуплого шкалуша. «Точно волкодав с котенком», – подумала она. Но на душе полегчало: парень-то жив оказался. Слава Единому и святой Пятерке. Нужно в храм сходить, свечу поставить.

Когда позже она появилась в лазарете, Агап как раз закончил врачевать Рича. К его большой радости, Тиса отдала ребенку энциклопедию древних. После вкусного чая с кизилковым вареньем в теплой компании девушка три часа провела с Агапом за перебиранием содержимого буфетных полок. Сортировали баночки, скляночки, мешочки и пакетики. Ненужное или просроченное летело в мусор. Ревизией они были обязаны Глафире,

которая хотела вытереть пыль на переполненных полках и нечаянно разбила бутылку. Настойка лапчатки растеклась и замочила лекарскую утварь.

– Как дела в лавке? – молодая травница вытерла влажной тряпкой пыль с пузатого кувшина. За последние дни она ни словом не обмолвилась о своем походе в скалы.

– Паршивец опять поднял плату.

– Так я и знала, – Тиса цокнула языком. – И на этом, боюсь, не остановится.

Агап близоруко поднес бумажный сверток к глазам, развернул, понюхал, отложил в сторону.

– Не лучше ли все же собственную лавку открыть? – помощница покосилась на старика.

– Мы уже говорили об этом, – буркнул тот, разворачиваясь к ней спиной.

– Ну почему, дед Агап? Почему нет? – выглянула Тиса из-за его плеча. – Я бы сама управляла ею. И убирала, и полы бы мыла, пока мы не будем в состоянии нанять человека.

– Говорю – нет, значит, нет, – лекарь составил бутылки с настойками в сумку. – И полно об этом. Ландус продал сбор от мигрени, а также мази от мозолей. Последней у меня еще пять банок в погребе, а вот сбор нужно сложить.

Тиса вздохнула.

– Я не запомнила состава, – без выражения произнесла травница. – Помню только – бузина нужна, листья сирени...

Агап согласно качнул головой.

– Еще по ложке сушеной рябины на порцию. А после Жнуха, думаю, пора за свежей клюквой. Надо же тебе научиться силуч варить.

Знает старик, чем умаслить.

– Я на чердак поднималась, – примирительно сказала она. – Шиповник хорошо сохнет. А черноплодку ворошить следует. На нескольких ягодах плесень приметила, тоньше слоем бы рассыпать. А кладовщик лотки не дает.

– Шилыч тот еще скряга, – хмыкнул в бороду старик. – Я у него как-то пустых бутылей, помнится, спросил, хоть один ящик из двадцати. На что ему столько стекла? Пылится на складе токмо, а мне бы под настойкигодились. Все одно гарнизон использовать будет. Так и не дал, жадень несчастный. Ты батюшку своего попроси, чтобы повлиять.

– Это бесполезно. Отец скажет, что каждый должен заниматься своим делом, – помощница усерднее, чем требовалось, принялась надраивать бока очередной склянки.

– По-своему он прав, – мирно сказал Агап. – Да, кстати, пару дней меня в части не будет. Навещу брата. Опять дурака грыжа скрутила. Говорил же: Прохор, не тягай мешки, сыновья на что? Так нет же, сам все делать силится, осел чиванский.

– Настойку сабельника повезете?

– Да. И покажу еще раз Зинаиде, как правильно натереть спину медом и размять поясницу.

– Хорошо. Привет передавайте им, – Тиса составила в авоську пузырьки.

Вернувшись из погреба, Агапа на кухне она уже не застала и выглянула в коридор.

На лавке у приемной ожидали своей очереди двое новобранцев. Худосочного шкалуша Тиса не сразу узнала: коротко стриженная голова, форма горчичного цвета. Вторым оказался рыжеволосый крепыш. Дверь распахнулась, и кабинет покинула другая пара новобранцев. Шкалуш и рыжий поднялись.

– Здравия желаю! Василь Дворов и Трихон Якшин прибыли на осмотр, – крикнул рыжий в приоткрытую дверь.

– Проходите, коли не шутите, – приглушенный голос Агапа в ответ.

Тиса заметила, как горец побледнел, заглянув в приемную, и отпрянул за спину товарища.

– Иди первый, я после тебя, – шепнул он рыжему. Тот кивнул и пропал в приемной.

Войнова усмехнулась. Страх перед лекарем – нередкое явление. Она проследила, как шкалуш направился к выходу, и последовала за ним. Выглянув из темного нутра лазарета, Тиса на миг сощурилась от света. Высоко по необъятному небу струились перистые облака. Ветер трепал на веревке белье, вывешенное Глафирой, а в палисаднике под окнами жужжали шмели на цветах. Юноша прислонился спиной к затененной стене и закурил самокрутку. Пепел падал на горчичную форменную рубашку, но он, казалось, не замечал этого.

– Здравствуй. Я думала, ты погиб, а ты жив оказался, слава Единому, – девушка приветливо улыбнулась.

Шкалуш поднял глаза. Особого удивления Тиса в них не увидела. Не дождавшись ответа, добавила:

– Не бойся. Лекарский осмотр – это не страшно.

– Я не боюсь, – буркнул Трихон себе под нос. Паренек смял в руке потушенную сигарету и метким броском отправил ее в урну.

– Агап Фомич только расспросит о болезнях, осмотрит, температуру заставит смерить. Он добрый.

– К чему вы мне это рассказываете? – оборвал новобранец собеседницу.

Внезапно почувствовав себя назойливой, Войнова отступила. За разговором со шкалушем она не заметила Витера и Гора: мужчины вывернули из-за угла корпуса и приближались. Ножны с саблями обивали бока военных при ходьбе, сапоги поднимали пыль с прогретой солнцем тропинки. Витер издали наблюдал за капитанской дочкой и новобранцем. Большой и широкий как краб Гор жестикулировал своими ручищами, рассказывая что-то о срубе новой сторожи, но слова его благополучно пролетали мимо ушей Крохова.

Нагрыв со спины, старшины приветствовали Тису короткими кивками.

– Тиса Лазаровна, мое почтение. Вам докучал этот шкет? – Витер окинул хмурым взглядом шкалуша, который уже успел выпрямиться перед начальством.

– Все нет, Витер Дмитриевич.

Старшина оглядел Тису, затем новобранца, гаркнул:

– Почему прохлаждаемся, боец?

– Никак нет, ваше благородие. Явился в лазарет на осмотр по вашему приказанию, – оправдался шкалуш.

– Так какого лешего здесь околачиваешься? Марш к лекарю. Что стоишь? Шевели отростками!

Новобранец шмыгнул в дверь корпуса.

– Тиса Лазаровна, если вам нужна помощь или защита, вы не стесняйтесь, обращайтесь ко мне.

– Спасибо, но, думаю, в этом нет необходимости. Мне никто не угрожает, – поблагодарила Тиса. – Хотя...

Девушка сложила ладони.

– Витер Дмитрич, вы могли бы лотки для меня попросить у кладовщика?

– У Шилыча? – цокнул тот языком. – Да у этого пса даже снега зимой не выпросишь.

Боюсь, эта задача невыполнима. Простите, Тиса Лазаровна, но здесь вам лучше обратиться к вашему батюшке.

Мужчины отправились дальше, а девушка еще какое-то время смотрела им вслед.

* * *

На следующий день после завтрака Тиса заглянула на чердак. Прошла в хозяйственное крыло корпуса, где в детстве любила шнырять по сумрачным кладовкам. Там можно было обнаружить много старых, покрытых пылью, а потому загадочных вещей: тяжелые ржавые утюги, подсвечники, сломанные швабры и даже части старинных лат времен первой Панокийской войны.

Скрипящая лестница, предназначенная для слуг, вела на третий этаж. Пол чердака устилала соломенная труха. Под потолком нависали балки – того и гляди поцелуют в макушку. Из окон падали полоски света, в которых клубились частички пыли. На пеньковой веревке, протянутой меж балками, сохли травы и коренья. Зверобой с венчиками желтых цветов, терпкая серолистная полынь, спутанные стебли спорыша, девясил, ромашка, лапчатка, красный клевер... «Лекарство то, что ногами топчем», – часто любил повторять Агап. У березовых стеллажей травница взяла деревянную лопатку и поворошила ею плоды черной рябины. Тут же сушились шиповник, боярышник, кизил, медвежья ягода и семена тыквы.

Девушка сняла с веревки два пучка – бузину и сирень. Из окошек чердака послышалось твердое: «Да не посраим Имперскую Пограничную Стражу! Будем готовы к отпору супостату!»

Значит, на плацу закончился смотр. Так было всегда. Отец отдавал распоряжение начать тренировку, и пограничники принимались стрелять из стрелометов, дальнобойных луков, валить дощатые мишени, чиркать саблями, колошматить мешки, набитые соломой. Старшины старались гонять своих ребят особенно активно, если поблизости виднелась лысеющая макушка капитана.

Так было и в этот раз. К своим подразделениям подошли Кубач, Порфирий, Гор и Витер. Последний выделялся безупречной статью, как мачтовая сосна среди дубов. Командующие развели подчиненных по испытательным площадкам. Тисе повезло – отряд Витера занял крайнюю арену для поединков, у колонны пожарных бочек с водой, так что она могла слышать его речь.

Солдаты выстроились по границе площадки.

– У нас четыре новичка, – сообщил подчиненным старшина. – Первая пара: Дворов, Якшин. Выйти из строя.

Новобранцы отделились от строя. Василь сиял гордостью, как начищенный ботинок.

– Василь Дворов до поступления к нам окончил военную гимназию города Залесска. Трихон Якшин прибыл к нам из Рудненского военного училища.

Тисе показалось, что последние слова были произнесены с некоторым презрением. В строю прокатился шепоток.

– Так, – Витер подбоченился. – По традиции части все желторотики должны показать себя в день поступления. Показать все, на что способны. В первую очередь такое крещение нужно вам самим. Уже через год после службы в рядах увежской пограничной стражи вы не узнаете себя и со стыдом будете вспоминать этот бой. Горицкий, два рубака со стенки.

Из общего строя отделился солдатик и дунул к оружейной стене, возвратившись с двумя одинаковыми деревянными палашами.

– Берите. Они из железного дерева, так что весят как настоящие. Не рубят, зато синяки неделю сводить будете.

Рыжий Василь бодро подхватил свой палаш, отступил на два шага и принял стойку. Он еле дождался, пока Трихон возьмет свое муляжное оружие. Тиса думала, что тонкие руки шкалуша прогнутся под его тяжестью, но парень поднял палаш без труда. Вспомнила, как он вытащил ее в скалах, и пришла к выводу, что мальчишка только на вид хилый.

– Бой! – крикнул Витер.

Василь ударил первым. Загорелая рука занесла меч. Выпад – палаш расчертил дугу от плеча, целясь в бок Трихона. Шкалуш отскочил, ударом отведя оружие в сторону, приставным шагом сместился вправо. Василь двинулся за ним. Солдаты зажужжали, подбадривая новобранцев. Выпад Василя в голову. Шкалуш применил подвешенную защиту, взметнув над головой руку с палашом. Но удержать натиск не попытался, увильнул вправо.

Еще выпад Василя – теперь в бедро. Трихон в последний момент убрал ногу, удар миновал.

И следующие пять выпадов прошли впустую: Якшин умудрялся уходить от прямых ударов и умело уклонялся. На пару секунд Василь остановился, от слишком быстрого начала у него сбилось дыхание. Шкалуш недолго думая воспользовался моментом. Выпад – и воображаемое острие коснулось ключицы рыжего.

Треснула пара прутиков в пучке сухой сирени, который Тиса сжимала в руках.

В рядах солдат послышались одобрительные возгласы. Василь огорченно сплюнул, кинув обиженный взгляд на соперника.

– Внимание! Дворова подвела дыхалка, – объяснил старшина подразделению. Он забрал у проигравшего палаш. – Якшин, к сожалению, умеет только защищаться. За пару лет здесь, в части, вас научат драться. Возможно, вы даже станете мастерами сабельного боя.

Витер поднял палаш и завертел его восьмеркой – на загляденье искусно. Потом с замаха вогнал в землю. Строй восхищенно зашептался.

Настала очередь второй пары новичков махать палашами. Но Тисе наблюдать уже надоело, и она покинула чердак.

Глава 5. Гартова топь

Накатила промозглая сырость, захотелось съежиться. Нос втянул запах гнилой воды. Туман исчез, уступив место ночным сумеркам и шорохам. Тиса поняла, что ковыляет по деревянному мостку. Правая нога согнута в колене, под мышкой – рогатина костыля. «Клац... клац...» – стучала деревяшка по доскам мостка. Над головой зудел комар.

«Бульк» – послышалось внизу. Она с удивлением различила круги на черной воде и заросли осоки. Болото! Нерешительно подняла глаза. Впереди на фоне лунных небес виднелся острый пик заброшенной башни. Волна мурашек пробежалась по коже. Как она попала на Гартову топь?

Мосток по бокам расширился на две доски. До башни осталось пройти каких-то полсотни шагов. И Тиса запаниковала. Хотела попятиться, но не смогла. Ноги не слушались ее и несли вперед.

Вдруг над порогом башни загорелся фонарь, осветив кованую дверь и густо затянутые паутиной ставни. В тот же миг под мостком забурлила вода. Из топи показались две черные руки, которые тут же ухватились за край мостка. В следующие секунды Тиса наблюдала, как из трясины появилась голова утопленника в обмотанном водорослями шлеме-шишаке, какие носили воины времен первой Панокийской. Ее накрыла паника, рванулась бежать, но костыль выпал из-под мышки, благо, в топь не скатился. Подхватив его, Тиса поскакала на одной ноге со всей мочи. Прочь! Не оглядываться!

Девушка очнулась посреди ночи в холодном поту, ладонями надавила на глаза. «Не хочу ничего знать!» Усилием воли отправила видение в закоулки памяти, чтобы никогда не вспоминать. Уснуть снова оказалось трудно. Тиса встала и подошла к окну, приложив лоб к холодному стеклу, почувствовала облегчение. Полная луна выплыла из-за тучи и осветила поляну перед рощей. Из тьмы на тропинку, что вела к пограничной части, вынырнула фигура – смутно знакомая, но мозг думать отказывался, и усталость вернула капитанскую дочь в кровать.

* * *

Отец быстро поел в молчании, заслонившись газетой. И только перед уходом бросил:

– В воскресенье едем к Лавру на обед. Передай Цупу, пусть подготовит коляску.

– Ты едешь на обед? – удивилась Тиса.

Лазар посещал местные светские мероприятия, если только в этом была служебная необходимость. В последний раз он был у градоначальника позапрошлой зимой, когда сделал объявление о блуждающем близ города медведе. Он тогда просил общество воздержаться от дальних прогулок в одиночестве. Какова же причина его поездки на этот раз?

Как только капитан покинул столовую, кухарка воскликнула:

– Тиса, ты увидишь нового наместного вэйна!

– Ну конечно, – ответила она скорее себе, чем Камилле, – вот и причина.

Отец всегда видел людей через призму службы. Видимо, он считает колдуна стратегической фигурой, раз решил свести личное знакомство.

– Расскажешь мне потом, какой он.

Пришлось пообещать.

– Весь базар только и говорит, что о вэйне, – Камилла вертела в пухлых пальчиках куриную ножку, выбирая с какой стороны откусить. – Тонечка прячет его от любопытных глаз в своем доме – готовит сюрприз для званого обеда. Но весь Увэг уже жужжит, что колдун хорош собой и очень модён.

Тиса пожала плечами. Есть расхотелось, и куриное крылышко так и осталось нетронутым лежать на тарелке.

– Говорят, он приехал каретой со своей матушкой в эту среду. – Камилла откусила кусок ножки.

– С матушкой?

– Да. Наверняка он добрый любящий сын, не то что мой Яшка – грубиян.

На кухне послышались шаги, и на пороге выросли новобранцы. Знакомая парочка.

– Мы спустили мешки в погреб, как вы просили, – сказал рыжий Василь.

Заметив за столом хозяйку, он заулыбался. Трихон же только чиркнул по девушке взглядом и отвернул лицо к окну.

– Погуляйте пока. Через полчаса ты, милоч, вымой полы в кухне и столовой, – Камилла ткнула пальцем в Василя. – А ты от Жича мешок с солью принеси. – Кухарка на миг задумалась. – Наоборот. Василь, ты дуй за солью. А ты – полы. Трихон, правильно?

Паренек кивнул.

– Кормить тебя надо, Трихон. Чтобы силы прибавились. Хотя у Жича не разъешься, – покачала головой Камилла. – Ты, голубь мой, ко мне приходи, накормлю чем смогу, если этот злодей голодом тебя морить станет. Понял? Теперь идите, милки.

Новобранцы исчезли в кухне.

– Ты видишь, дорогая, кого мне опять Жич приставил в помощники. Как тощий какой или ростом не вышел, так обязательно ко мне. Этот Василь еще ничего. Но второй – хоть на паперть отправляй.

После обеда Войнова собрала со стола посуду и отнесла на кухню. Возвращаясь в столовую, чуть не споткнулась о швабру, которую шкалуш приготовил для мытья полов. Раздался глухой стук деревяшки об пол, и Тиса замерла. В голове вспыхнули звуки и образы: «Клац... клац...», мосток, ночь, луна.

– Изнань бы побрал эти видения, – застонала она, меняясь в лице. Сдавила пальцами виски и зажмурилась, стараясь не дать видению всплыть в памяти полностью. Получилось. Тиса выдохнула и открыла глаза. И тут же поймала на себе любопытный взгляд парня, застывшего у ведра с водой с тряпкой в руках. Этого еще не хватало! Надо что-то делать.

Когда она выбралась на воздух за пределы части, ноги сами понесли на Девятую улицу, где проживал Прохор Фомич. Лекарь гостил у названного брата, его-то и нужно увидеть.

По ребячьему смеху, который слышался уже на подходе к дому, Тиса поняла, что стариков осадил соседская детвора. Прохор Фомич любил собирать малышню у себя, когда сноха позволяла. Войдя во дворик, девушка тихо прикрыла за собой калитку и, прислонясь к ней спиной, решила послушать разговор.

Под виноградной беседкой горстка ребятни расположилась вокруг большого кресла, в котором сидел тучный старик с бородой до пояса. Поясницу Прохора Фомича стягивал старый пуховый платок.

– Домовой молочко любит.

– Коровье или козье, дед Прош?

– Без разницы. Домовые – они такие, харчами не перебирают. Им внимание дорого. Возьмите блюдечко да поставьте у печи. А утром глядите: коли выпил хоть трошки, то понравились вы ему. Будет он вас беречь от лиха всякого, пока вы спите-сопите.

Ребята зажужжали, обсуждая совет. Тиса заметила Рича. Мальчик сидел на нижней перекладине деревянной лестницы, приставленной к беседке. Выглядел осунувшимся и в разговоре участия не принимал. Самодельный костыль валялся в пыли у его ног. На порог вышел Агап с подносом, полным фигурных пряников, и дети кинулись расхватывать угощение.

– Тише, пострелята, – буркнул лекарь. – С ног деда не сбейте.

Последний пряник Агап подал Ричу. Тут старик заметил девушку и махнул ей рукой, приглашая присесть вместе с ним на скамейку. Гостья уселась рядом.

– Раньше не то, что нынче, – продолжал Прохор Фомич, тряся бородой. – Раньше и водяного задабривали. Сейчас никто обычаев не помнит. Потому пять весен назад дочь Косого и утонула. Скучно стало водяному, вот он и забрал девку. Водяные они ведь как шахи чиванские, гаремы любят. Когда мне было столько годков, сколько вам, я ужасно боялся кривого Кондрата – мельника с водяной мельницы, что сейчас заброшенная выше по Веже стоит. Слыхали о такой?

Дети закивали.

– Говаривали, что Кондрат каждый год на Жнухову Горку в новолуние открывал свой подпол и кидал в омут лошадь или корову водяному в подарок, чтобы тот мельницу водорослями не оплетал. Поэтому я никогда туда с отцом не ездил. Боялся, вдруг он и меня кинет водяному в услужение.

Дети зашептались.

– Кондрат мне был страшнее болотного Гарта. Тогда еще ворон не забрал его колдовскую душу.

– А зачем ворону его душа? – спросила девочка с голубой лентой в косицах, внучка Прохора. Она подошла к деду и забралась к нему на коленки.

Белобрысый соседский мальчишка Картыш фыркнул:

– Души чародеев слишком тяжелы, чтобы подняться в небеса. Вот птицы их и уносят к Боженке.

– А вы этого Гарта видели? – спросил Ефимка, рослый худой мальчишка, перебиравший в ладони маленькие камешки для игры в каток.

– Один раз токмо. У хлебобобов в полях. Росточком он невелик был, а силен. Такую грозовую тучу унял, помню. Поднял над головой свою палку, крикнул тарабарщину какую-то – и нет тучи. Рассосалась вся.

– Ух ты! – выдохнули дети.

– Жаль, сгинул колдун опосля через год. Мертвецы округ его башни теперь хороводы водят.

В повисшей тишине девчушка на его коленях пропищала:

– Дед Прош, а Рич черного рыцаря видел.

Мгновенно поднялся ребячий гвалт:

– Брехня! Костыль заливаает все! Он врет!

– На Гартову топь на двоих-то ногах не дойдешь, а он будто бы доковылял ночью на своей коряге, – Картыш сморщил веснушчатый нос.

Рич понурился. А Картыш продолжил:

– А если и правда, как же он от рыцаря убежал? Ха-ха. Может, ты лягушку за утопленника принял, да и та бы тебя догнала.

Ребята захихикали.

Ну вот, опять. Тиса зажмурилась. В памяти кусочками мозаики вспыхнули картинки: фонарь на болоте, черные руки, шлем в тине, выпавший костыль. Девушка взялась за голову, усилием воли останавливая калейдоскоп.

– Рич вас не обманывает, – дрогнувшим голосом произнесла она. – Он действительно видел рыцаря.

Дети раскрыли рты от удивления. Мальчишка повернулся к неожиданной заступнице, в глазах его светилась благодарность. Зато вопросительный взгляд лекаря сделался столь красноречивым, что Тиса удрученно прошептала старику на ухо:

– Дед Агап, я снова вижу.

– Пойдем-ка, помощница моя, чаю вскипятим, – Агап поднялся со скамейки. – И ты, дружок, зайди-ка в дом, – сказал старик Ричу.

Войнова вошла за ними. Под шагами закрипели половицы. Потолок был так низок, что подними Тиса руку, то пощупала бы его старую шпукатурку. В тесной кухоньке Агап налил из высокого жбана воды в чайник и поставил на печь. Через ее решетку видно было, как тлеют угли, зарывшись в золу.

Лекарь перевел взгляд с помощницы на Рича, хмуря кустистые брови.

– Это правда? Ты ходил на болото? – строго спросил он.

Тиса едва расслышала, как мальчишка прошептал себе под нос:

– Мне нужно было.

– Единый! О чем ты думал?

Мальчик скосил глаза на чайник, который начал шипеть, разогреваясь.

– Я поспорил с ребятами с базарной на пару гривенников.

Агап хлопнул себя по бокам.

– Ты слышишь, Тиса? Поспорил он, горе луковое! Вот взять хворостину вишневую да отстегать по мягкому месту! Гартова топь – не место для игр. Ты это понимаешь?

– Да, – протянул Рич виновато и ниже опустил голову.

Старик вздохнул, присел на табуретку у сложенной поленицы и положил руки на колени.

– Прошу тебя больше не ходить туда. Что скажешь? – спросил устало.

– Не буду, дед Агап. Честное слово!

– Хорошо, – сказал тот. – Теперь иди к ребятам, там Зинаида уже, верно, виноград с огорода принесла. А мне с Тисой поговорить нужно.

Рич вышел, и помощница поняла, что настала ее очередь признаваться. Она только сейчас поняла, как отчаянно ей хотелось поделиться своими страхами. Старик слушал ее внимательно, не перебивал.

– Третье за месяц, – девушка огорченно приложила ладонь ко лбу. – Я так надеялась, что они оставили меня навсегда. Уверена, что хорошо отгородила свое сознание, как ты меня учил. Но как только услышала о рыцаре, видение вдруг нахлынуло. Фу, он был весь коричневый, почти черный, – Тиса скривилась от отвращения. – А на голове шлем.

Агап Фомич вздохнул, в раздумьях потирая бороду.

– Возможно, видение стало слишком для тебя впечатляющим.

– То есть?

– Ты увидела волнующее событие, и от этого обострились твои чувства. Тебе теперь будет сложнее замыкать в памяти свои видения. Нужно сызнова работать над собой. Или выпустить свой дар на волю, научиться им управлять.

– Но я не хочу!

– Солнце, может быть, тоже вставать не хочет, но как видишь – светло на улице.

Тиса закрыла глаза, вспоминая давний разговор.

– *Мам, почему мне снятся эти сны?*

– *О, милая, ты у меня непростая девочка.*

– *Мама, я что – вэйновка?*

– *Нет, дорогая. Ты не вэйна. Ты – ищущая. Это великий дар видеть людей на расстоянии, – женищина прикоснулась губами ко лбу дочери.*

– *Так я вижу будущее?*

– *Тогда бы ты была пророчицей. Нет, ты видишь настоящее. Я напишу другу твоей бабушки, профессору Мо Ши. Ты поедешь в гимназию для одаренных детей в Оранске. Хоть это твоему отцу и не нравится. Но он знает, как опасно стоять у судьбы на пути. Ты будешь счастлива, дочка.*

Мама снова целует ее в лоб.

– *Так мы переедем в Оранск?*

– *Нет. Мы с папой останемся здесь. Ты же знаешь, он не может оставить службу.*

– *Тогда я не хочу ни в какую школу!*

Девушка почувствовала на своем плече ладонь старика.

– Не горюй, дочка. Пути Божии неисповедимы.

Глава 6. Письмо

Несколько дней после этого Тиса засыпала с тревогой – боялась новых видений. Но, слава богу, ночи оказались спокойными. Из благодарности она спозаранку отправилась в храм на базарной площади – еще за «воскрешение» Трихона обещала воздать молитву Единому и святой Пятерке.

Пять стен храма держали купол и символизировали святых – Жнуха, Небела, Лею, Косиницу и Вэю. Купол же символизировал Единого Творца, объединившего пятерых святых для сотворения мира и отдавшего свою кровь ради жизни человечества. У пятой стены Вэи были приставлены леса. Тиса догадывалась, кто трудился с кистью над тусклыми рисунками, изображающими сцены из Святого писания. Про вэйновскую стену всегда забывали, откладывали восстановление образов в долгий ящик. И как прибыл колдун, тут же спохватились.

– Привет, Симон! – задрал голову, крикнула Тиса стоящему на вершине лесов мужчине. Голова его была повязана платком, длинные волосы забраны в хвост на затылке.

Симон заметил ее и помахал кистью.

– Не спускайся, – крикнула ему Тиса. – Передавай Ганне привет от меня!

– Ладно! – донеслось сверху.

Художник продолжил подкрашивать очи дракона Вэи лазурью. Когда мазок получался особенно хорош, широкие брови Симона гордо взлетали. Тиса еще минуту наблюдала, как вырисовывалась голова святого дракона Вемовея, затем отправилась дальше. По дорожке ко входу в храм к ее ногам бросились с лаем три дворняжки. Из тех, что чем мельче, тем противнее. Войнова в растерянности застыла.

– Цыц! – услышала она голос Рича. Мальчик сидел на ступеньках храма в компании слепого Макарки. На лице старика, сморщенном, как персиковая косточка, выделялись широко распахнутые глаза, затянутые бельмами.

Шавки поджали хвосты и кинулись наутек. Рич в отличие от Тисы совсем не опасался собак, даже здоровенных пограничных псов из военной части.

– Привет! – девушка махнула рукой и, приблизившись, добавила: – У меня есть для тебя кое-что.

Она одарила монетками нищего – слепой качнулся в поклоне – затем вручила мальчишке сверток с яблочными пирогами Камиллы.

– Спасибо! – поблагодарил Рич. – Я книжку еще читаю.

– Читай, не торопись. Как тебе драконы?

– Очень понравились! – оживился ребенок. – Вот бы вживую увидеть!

Войнова улыбнулась – она мечтала о том же.

– И какой же твой любимый вид?

– Красный рогач! – восхищенный ответ.

– Да, хорош, – согласилась девушка. – Но характер у него неуравновешенный. Читал? К такому лучше не приближаться.

– Зато он самый большой и сильный! А еще нравится ездовой стрелохвост – он быстрее из всех! А вам какой нравится, Тиса Лазаровна?

– Синий единорог.

– Красивый, – признал Рич.

– Еще и самый умный: уровень интеллекта синего единорога превышает человеческий.

– А мне белый нравится, – неожиданно вклинился в разговор слепой старик, шамкая беззубым ртом.

– Потому что императорский? Или потому что белый, как святой Вемовой? – спросила Войнова.

– Потому что на золоте спит.

Тиса и Рич рассмеялись.

Мальчишка поднялся и, несмотря на протест девушки, распахнул перед ней тяжелые двери храма.

Сумерки святого места объяли вошедшую. Час молитвы перед образами при свете свечи умиротворил ее сердце.

* * *

Заручившись поддержкой святых, Войнова среди недели сделала еще одну вылазку в скалы. В этот раз она вела себя более осторожно. Обходила опасные участки либо отступалась от них, выбирая другое направление для поисков. Двигалась к востоку от того места, где случился обвал. Казалось, вот-вот – и она найдет заветную каховичную жилу. Но ощущения близкого успеха оказались обманчивы. Тиса возвращалась в часть с пустыми руками. И что еще хуже – на обратной дороге наткнулась на лекаря.

– Тпру-у, стой, – остановил он свою лошадку.

Ватрушка дружелюбно заржала, здороваясь с запряженной каурой.

– Никак к Ландусу? – спросила девушка. – А я вот из леса еду. Прекрасную полянку кизила присмотрела.

То, что она на самом деле сегодня заметила кизильник, не умаляло ее вранья. «Противно, ей-богу».

– Ну да, ну да, – лекарь прищурил глаза, остановил взгляд на запыленных ботинках помощницы. – К нему, хитрецу этакому, – старик кивнул на воз за спиной. – Дюжину банок от мозолей поставил, сборов и настоек по списку. Ландус и силуч у меня просит. Так кто ж ему даст.

Тиса мысленно согласилась. Гарнизон сам нуждается в снадобье. Силуч в части использовали в особых случаях. Выдавали станицам, чья смена приходилась на лютые морозы, например. Поили им тяжелораненых для поддержания сил и держали в запасе на случай вражеского нападения чиванцев. Так что извините, самим мало.

– И правильно. Ладно, я поеду, а то Ватрушка что-то прихрамывает. Устала.

– Конечно, дочка, поезжай.

Пришлось поторопить кобылу. Не хватало, чтобы Агап заметил быстро краснеющие от стыда уши.

Дома она первым делом отпарилась в баньке, окунулась с головой в лохань с вылитым в нее ведром травяного настоя. Теперь все тело и волосы благоухали мятой и шалфеем. Сказочная легкость появилась во всем теле. Благодать, после дальней-то дороги. Тиса покинула баню в длинном халате с полотенцем на голове. Переодеваться в более благопристойное домашнее платье было лень – решила, что быстренько поднимется в свою комнату, вроде на лестнице никого нет.

Пока кралась мимо столовой, увидела вазу с фруктами на обеденном столе и сглотнула слюну. Яблоки – хозяйкина слабость. А уж как устоять перед прохладным сочным плодом после жаркой бани? В столовой никого не было, девушка прошмыгнула к вазе и взяла самое краснобокое яблоко. Хотела немедля откусить, но тут из кухни послышался возмущенный голос Василя:

– Когда нам дадут нормальное оружие? Надоело таскать дубинку. Саблю хочу! Не дадут, так разнесу их оружейный склад, будут знать.

– Старый-то корпус, – равнодушный голос шкалуша, – где каменные стены и амбарный замок на решетке толщиной в три пальца?

– Это так несправедливо – наши там тренируются, а мы картошку чистим. Они нас за малолеток держат.

– Такие правила.

Не желая, чтобы новобранцы увидели ее с полотенцем на голове, Тиса попятилась к двери.

– К черту правила! Да тебе ли о правилах толковать? Сам-то горазд нарушать, – упрекнул Василь.

– Ты о чем? – удивился Якшин.

Тиса невольно прислушалась.

– Ты куда по ночам ходишь? Думал, я не знаю? Как-то не спалось, захотел поболтать. Смотрю – вроде спит, одеялом укрылся. А то, оказывается, кукла из одеяла. А ты лиса, Трихон. Признайся, к девахе бегал? А подружка у нее есть?

– Балбес ты, Василь. Я курить выходил.

– А-а. Тогда понятно.

Девушка почти добралась до дверей, когда из кухни в столовую заглянул шкалуш. Она замерла. На пару секунд они уставились друг на друга. Паренек отметил яблоко в ее руке, затем злополучное полотенце. В серых глазах мелькнула плохо скрытая ирония. Тиса в ответ задрала нос – пусть не думает, что она не слышала, о чем они тут болтали. Слово по команде капитанская дочь и новобранец развернулись и разошлись каждый в свою сторону. Тиса засемила по лестнице.

«Вот уж странный тип», – сдвинула она засов на двери, закрываясь в своей комнате.

Значит, по ночам бегают из части. Неожиданно стало понятно, чья фигура привиделась ночью в окне. Ох, подозрительно. А еще отговорка «курить выходил» явно шита белыми нитками. Странно, что Василь так легко ему поверил. Шкалуш ведь запросто может и вынести что-то ценное из части. Как-то уже появлялся в части воришка. Камилла недосчиталась тогда денег, которые ей выделили на продукты, а у прачки Шурочки Чурсиной два серебряных кольца пропали. Как бы история не повторилась.

Тиса решила подкараулить парнишку и устроить допрос. Удобный момент вскоре представился. Столкнувшись со шкалушем на кухне, она прислонилась к косяку и ожидала, пока он пройдет мимо с полными ведрами воды.

– Добрый день, – пробурчал новобранец, ставя ведра на лавку.

Не став ходить вокруг да около, молодая хозяйка, сложив руки на груди, выдала:

– Ты знаешь, что по ночам из части уходить запрещено?

– О чем вы? – выпрямился Трихон.

– Я видела тебя ночью из окна.

– Что за ерунда? Вы небось обознались, – это прозвучало довольно искренне.

– Можешь не увливать. Я слышала ваш разговор с Василем.

– Ну ладно, – легко смирился Трихон. – Я курить выходил. Знаете, как привыкаешь к табаку. Давно хочу бросить.

– И для этого ты бегал в рошу? – Тиса подбоченилась. – Ты мне зубы не заговаривай.

– Говорю же – курил. В части может кто-нибудь застукать, мало не покажется.

Он и в самом деле думал, что она поверит в его липовое объяснение?

Войнова отмахнулась:

– Мог бы придумать что-нибудь правдоподобнее. Не хочешь объяснять, не надо. Тогда мне придется рассказать обо всем отцу, пусть он с тобой разбирается.

Паренек напустил невозмутимый вид и произнес холодным тоном:

– Тогда капитан узнает, где и при каких обстоятельствах я вас встретил в первый раз.

– Он не поверит.

– Как хотите, – развел руками шантажист.

Девушка смерила шкалуша презрительным взглядом и покинула кухню, чувствуя, как от негодования закипает кровь. Как она и подозревала, мальчишка оказался еще тот плут. Она, глупая, слезы лила в скалах, свечку за счастливое спасение Единому ставила. А парень условия ей задавать вздумал.

Чтобы новобранец водил ее за нос! Тиса такого стерпеть не могла. Да, батюшку она не попросит об отчислении горца без веской на то причины. Но причину можно поискать. И в обед следующего дня капитанская дочь решилась на несвойственный ей поступок.

Библиотека все так же собирала пыль книгами. Тиса нырнула в отцов кабинет, к столу.

– Оно должно быть где-то здесь, – прошептала, вороша бумаги.

Письмо нашлось в верхнем ящичке. Из Горной Рудны. Листок из конверта сам просился в руки.

«Достопочтенный капитан Лазар Митриевич.

Нижайше кланяюсь и с этим письмом прошу принять в вашу часть кадета Трихона Якишина.

Хром Поликарпович Рослов, глава Рудненского военного училища».

Печать.

На конверте обратный адрес.

Негусто. Тиса, раздумывая, потрясла письмом. Потом достала из стопки чистый лист бумаги, окунула в чернила кончик пера и стала писать.

«Уважаемый Хром Поликарпович.

Еще раз подтверждаю, что кадет Якишин принят. По новым уставным правилам части вам необходимо предоставить нам полную карточку кадета с таблицей успеваемости, выговоров и благодарностей. Карточка должна быть заверена вашей печатью и подписью. Также просим выслать рекомендацию от владельца питейного заведения, где Якишин временно работал до распределения.

Прошу выслать карточку и рекомендацию на следующий адрес:

Увежский почтамт, ящик ПВЧ, до востребования».

Тиса поставила печать, вписала на конверте адресат.

– Посмотрим, в каком кабачке он работал, питейном или огородном.

Почему-то она была уверена, что найдется еще, чем прищемить хвост наглецу. Если горца уже ловили на воровстве, то вот и доказательство. Отец не потерпит вора в части. Недолго думая Тиса отнесла письмо на почту и отдала почтмейстеру Климону Пантелеевичу

с просьбой отослать первой же каретой – главное было добавить волшебные слова: «Батюшка попросил срочно» – и с чувством выполненного долга отправилась домой. На площадке у заброшенного колодца увидела детей, играющих в прятки. Ребяшня пряталась за кустами, деревьями и домами. Водил мальчишка лет одиннадцати. Спрятав голову и закрыв глаза, он считал до десяти. С криком: «Я иду искать» принялся за поиски. Войнова заметила двух не играющих детей – Рич и малыш лет пяти сидели на краю колодца, забитого досками, и наблюдали за остальными. Между ними на досках лежал желтый букет зверобоя и короб.

– Добрый день, Тиса Лазаровна, – поздоровался Рич и взволнованно добавил: – Вы за книгой пришли?

Девушка улыбнулась:

– Нет. Я просто мимо шла. Читай. Можешь отдать, когда пожелаешь.

Она заглянула в короб и ойкнула. В коробке спал, свернувшись калачиком, зверек. Серая жесткая шерстка, узкий нос.

– Не бойтесь. Это Куля, – сказал малыш.

Детеныш чиванского байбака зашевелил во сне усами.

– Хорошенький, – оценила Тиса, – хоть и похож на крысу.

– Ребята его в степи нашли, – поделился Рич.

Войнова присела на колодец рядом с детьми.

– А вы почему не играете со всеми?

Малыш огорченно вздохнул:

– Я маленький.

– Ну, это поправимо, – подбодрила она, – чуть-чуть подожди. Скоро вырастешь, и тебя возьмут в игру.

– А Рича они не берут, потому что с ним неинтересно играть.

– Это почему же? – девушка взглянула на костыль, лежащий в спорыше.

– Он всех быстро находит.

– Вот тебе на, – рассмеялась она. – Не расстраивайся, Рич, с лучшими всегда так.

– А я и не расстраиваюсь, – хмыкнул Рич.

– И молодец.

– Вы не передадите деду Агапу? – мальчик протянул букет зверобоя.

Тиса поняла, что не сможет отблагодарить юного собирателя трав.

– Рич, у меня нет с собой денег.

– Мне и не надо. Вы просто так возьмите.

– Ну спасибо, – забрала букет. – Наверное, далеко ходил. Зверобой поблизости не растет.

– Мне все равно делать было нечего. А можно я вас провожу до конца улицы? – предложил Рич, поднимая с травы костыль. – Что-то я засиделся.

В последней фразе девушка узнала любимую присказку врачевателя и улыбнулась. Мальчишка даже покряхтел, как это делал Агап, становясь на здоровую ногу.

Они побрели по улице. Молодая женщина и ребенок на костыле. Тиса заметила, что правый ботинок Рича совсем износился, носок «просит каши», и подумала, что скоро польют дожди и хорошо бы купить мальчику новые ботинки.

– Спасибо, что заступились за меня там, у деда Проши, – поблагодарил он.

– Не за что.

– А как вы узнали, что я на болоте был?

– Видишь ли, – Тиса на миг задумалась. – Я иногда вижу сны.

– Это которые – видения? – в карих глазах ребенка зажглось любопытство.

– Так ты слышал? – слегка нахмурилась она.

– Я случайно, когда дед Агап с дедом Прошей разговаривали, – постарался оправдаться мальчишка.

Тиса вздохнула. Поминать о своем непрошеном даре она не любила. Но врать – еще противнее. Пришлось согласиться и просить никому об этом не рассказывать.

– И вы видели этого рыцаря? – голос ребенка стал тонким.

– Видела.

Он остановился у обочины. Мимо прогромыхала телега с сеном.

– Я так испугался, – признался Рич.

– Я тоже.

Они посмотрели друг на друга с пониманием.

Тиса положила руку на детское плечо:

– Надеюсь, ты не затеешь еще какой-нибудь опасный спор? Ведь можно спрыгнуть со звонницы, например, или стащить парик у судьи Обло...

Рич хихикнул.

– Тебе хоть отдали твой выигрыш, храбрец? – спросила она, улыбаясь.

– Неа, не поверили.

– Давай так: если тебе еще понадобятся деньги, обещаю, что ты придешь ко мне и попросишь. Договорились?

Рич кивнул, и они пошли дальше по дороге.

– Бабка Магда видела будущее по костям. И ее в таборе все уважали.

– Скучаешь по родным?

– Немного. Сестры уже взрослые и давно замужем.

– А родители?

– Отца я редко видел.

– А мама? Разве ты не скучаешь по маме?

– Нет, – сердито сказал Рич. – Она же меня бросила.

Тиса задумалась.

– Может, мама сделала так для твоего блага. Ты же сам говорил, что Магда предсказала тебе в Увее исцеление. – Рич насупился. Какое-то время царило молчание. – Знаешь, не стоит обижаться на мать. Я вот как-то обиделась на свою, несколько дней на нее дулась. А потом и рада была бы помириться, а уже поздно. Единный забрал.

Рич посмотрел на погрустневшую спутницу.

– Только сейчас я понимаю: что тогда мне казалось несправедливостью, было ее желанием сделать меня счастливой.

Они дошли до перекрестка.

Позади послышался стук копыт – станица возвращалась с ночи. Самым заметным среди всадников был Витер – как же ладно он сидел на лошади! Крохов махнул ей рукой, девушка в ответ кивнула. Рич бросил затравленный взгляд в сторону всадников.

– Я пойду, Тиса Лазаровна. До свидания.

Сколько Войнова знала мальчишку, он не любил военных, но при этом, что удивительно, всегда храбро посещал лазарет.

Не успела она ответить, как Рич уже развернулся и заковылял обратно.

Витер что-то сказал спутникам, отделился от отряда и направился к девушке. Та

заметила, как ребенок шарахнулся от него в сторону, и покачала головой. Поравнявшись с капитанской дочерью, старшина лихо соскочил с гнедого жеребца и зашагал рядом.

– Позвольте?

– Дорога общая, – улыбнулась та, сцепив руки за спиной.

Старшина кинул взгляд на уходящего мальчишку.

– Будьте осторожны с этими попрошайками, – предостерег он. – Зачастую они только кажутся беспомощными калеками, а там гляди и мощну срежут так, что моргнуть не успеешь.

– Этот мальчик на самом деле болен, Агап Фомич его лечит, – Тисе хотелось защитить Рича.

Витер дернул плечом – мол, сами виноваты в этой головной боли.

– Тиса Лазаровна, я смею надеяться увидеть вас на обеде у градоначальника?

– Да, отец собирается к Лавру.

– Если позволит капитан Лазар, я буду сопровождать вашу коляску, – счел нужным предупредить мужчину.

Девушка пожала плечами, не успев ответить – кто-то из станицы свистнул, и Витер поспешил откланяться.

– Простите, служба зовет.

Тиса проследила, как старшина нагнал своих товарищей. Странно, его внимание ей и льстило, и тяготило одновременно. Как такое может быть?

Дома уже ждал посыльный плотника с готовыми досками, которые должны послужить новой ступенькой на лестнице. Тиса уговорила его за небольшую плату отодрать стоптанные доски и сколотить замену. Проводив «благодетеля», она посмотрела на лестницу. Цветом, конечно, новая ступенька отличается от старых, но со временем это не будет так заметно.

Глава 7. Вэйн Филипп Дронович

Тиса не любила бывать у градоначальника в основном из-за того, что большую часть времени приходилось рассматривать новые приобретения супругов и непрестанно их расхваливать, будь то очередной диван с креслами или же новый пудель Тонечки. А еще выслушивать истории вроде той, что наделал пудель, забравшись на тот самый диван. На сей раз градоначальник и его супруга обрели много больше – самого интригующего гостя. Поглазеть на него соберутся самые почтенные люди Увега.

Вэйн Тису интересовал мало. Она не разделяла всеобщего восторга от приезда колдуна, но надеялась встретить на обеде Ганну и Зою.

Отец и Кубач ожидали в коляске у проходной, а на крыльце ее встретил Витер и сопроводил до повозки.

– Садись, Тиса. Едем, – бросил нетерпеливо Лазар.

Витер помог барышне ступить на подножку. Солнце вновь закрыли облака, подул свежий ветер.

– Трогай, – приказал капитан.

Тиса только сейчас заметила, что на козлах вовсе не Цуп, а новобранец из Рудны. Шкалуш цокнул языком, лошадь тронулась. Отец откинулся на спинку сиденья.

– А где наш возница?! – спросила его дочь.

– Болван перепил так, что ему стало дурно, – поторопился объяснить Витер, пустив своего жеребца неспешной рысью рядом с экипажем.

Кубач хохотнул в усы:

– Раньше Цуп, сколько бы ни влил в себя, все равно держался. Сдаст старик.

Полчаса езды на жестком сиденье с видом на спину шкалуша надоели Тисе до коликов. И когда из-за черемуховых крон показался особняк градоначальника, она уже ерзала от нетерпения – ну не любила тряски, что поделаешь. Как только колеса замерли у крыльца, девушка выпрыгнула, не дожидаясь, когда подадут руку. Повозкой и лошадьё Витера занялись работники Лавра.

Прибывшие двинулись к крыльцу, украшенному толстыми потрескавшимися дубовыми колоннами, которые подпирали балкон второго этажа. Шкалуш остался стоять у коляски. Капитан обернулся:

– Вы, молодой человек, можете подняться. При условии, что не станете никому докучать.

– Но па, не лучше ли ему присмотреть за коляской? – не удержалась Тиса и тут же пожалела об этом.

Брови отца слегка дернулись, и он, не глядя на дочь, поморщился словно от зубной боли.

– С коляской ничего не случится, Тиса. О ней есть кому беспокоиться.

Девушка поджала губы. Отец умел дать ей почувствовать себя таким «досадным недоразумением», отвлекающим его от важных дел. Она скосила взгляд на новобранца, наверняка тот радовался ее унижению. Но он, к удивлению, оглядывал фасад особняка и ее персоной не интересовался.

Пожилая служанка с ворчанием – «Сколько же вас тут ходят?» – впустила гостей в дом, повела их на второй этаж по лестнице, ступени которой прикрывали красные дорожки. Витер галантно подставил девушке свой локоть, но Тиса по рассеянности не заметила этого.

Лестница привела к высоким дверям с бронзовыми фигурными ручками. Поправив красный платок на седой голове, служанка открыла створки, и на пришедших обрушился шум голосов. Такого столпотворения Тиса у Тонечки еще не видела. Самая большая гостиная в Увее вдруг стала тесной. Все пять диванов оказались заняты. Навстречу новоприбывшим закосолапил Лаврентий Петрович, солидных лет мужчина в сюртуке с аляповатым канареечным бантом под двойным подбородком. Казалось, что бант этот не дает ему свободно дышать. Раньше Тиса не замечала за градоначальником подобной тяги к моде. Никак веяния из Крассбурга.

– Капитан! Добро пожаловать! Заходите! – без церемоний приветствовал Лавр пришедших, пальцами оттягивая бант от шеи. – Тонечка сейчас выйдет.

Наверное, он говорил это каждому, кто сегодня входил в этот зал.

Градоначальник растерянно оглядел гостиную, решая, куда провести вновь прибывших. Он достал из кармашка сюртука измятый клетчатый платок и промокнул им пот с красного лба. Затем повел гостей к ряду стульев, выстроенных вдоль наружной стены. Свободные места нашлись в самом углу гостиной у окна, заставленного кадками с геранью, – не самые лучшие, но Тису устроили. Она заметила махровую герань бледно-лососевого цвета и постаралась незаметно отщипнуть от нее отросток для своей коллекции, пока отец и старшины здоровались с таможенниками – последним тоже выпала честь усесться на стульях. Аккуратно положив веточку в карман, Войнова оглянулась. Кстати, о ворах: она поискала глазами и нашла новобранца оживленно болтающим с долговязым слугой подле пианино. Надо бы присматривать за ним.

Тиса знала многих собравшихся – самый цвет города. Семья Лопухиных – владельцы лучшей в округе скотобойни. В парике, похожий на старую легавую, – судья Нестор Обло. Горчаки, Ильины, Панины, Кошкины – землевладельцы. Последних – Марику и ее родителей – она заметила на козетке, на которой они теснились втроем. Зои и Руслана видно не было. Марика то и дело вскакивала и смотрела на закрытую белую дверь в зал. Хотя на эту дверь все посматривали – кто прямо, кто украдкой. Тиса собиралась подняться и подойти к знакомым, но задержал Витер, который, оставив сослуживцев, повернулся к ней, и она снова почувствовала тяжесть его взгляда.

– Вы скучаете, Тиса Лазаровна? – не спрашивал, а скорее утверждал он. – Пока этот столичный хлыщ не выйдет, давайте расскажу вам анекдот про вэйна. В Ижеске он как раз в ходу.

Тиса не была уверена в том, что хочет сейчас слушать анекдоты. Как и в том, что Крохов умеет их рассказывать. Но заметив взгляд Анфисы Лопухиной, брошенный в их сторону, послала старшине одобряющую улыбку.

– Жена изменила вэйну с оборотнем, – начал с серьезным видом Витер. – А тут муж домой вернулся. Оборотень спрятался под кровать. Вэйн догадался. Палку свою колдовскую достал и говорит жене: «Ты изменяла мне?» Она отвечает: «Нет». А он: «Мне Вэя говорит, что под ложем любовник». И молнией под кровать как вдарит! Оборотень выкатился из-под кровати с подпаленным хвостом. Жена говорит вэйну: «Милый, это собака». Эм... Нет, не так, – старшина щелкнул пальцами. – «Милый, это я собачку купила».

Витер напряженно ожидал, пока капитанская дочь улыбнется. И расслабился, когда она это сделала. И впрямь повеселилась – она была права: старшина совсем не умел рассказывать анекдоты, но старался произвести на нее впечатление.

– Спасибо за то, что позабавили, но вы меня простите, я должна поговорить с подругой. Девушка встала со стула и направилась к Кошкиным. Витер проводил ее хмурым

взглядом. Миновав Анфису и ее подружек, Тиса отвернулась от них, но едкий голосок Лопухиной успел донестись до ее ушей:

– Вы знаете, что Войнова опять бродит по лесу, как дикарка?

Девушка подняла подбородок и прошествовала к напольным часам, возле которых расположились Кошкины.

– Марика, перестань маячить у меня перед глазами, – попросила дочь Настасья Ефимовна. – Сиди спокойно.

Та присела на край козетки и тут же снова вскочила.

– Тиса! Здорово, что ты приехала!

Заметно было, что Кошкины приделались для званого обеда.

– Здравствуйте, – поздоровалась она. – А Зоя не с вами?

Прежде чем родители открыли рот, девчонка протараторила:

– Осталась с Русланом дома. Вчера она съела персик, и теперь лицо у нее вот в таких прыщиках.

– Марика! – в два голоса оборвали ее родители.

– А что? Тиса знает, что у Зои часто высыпает крапивница. Кстати, она мажется твоей настойкой календулы. И сегодня ей явно лучше. Прыщи уже не такие жирные и...

Под строгим взглядом Никодима Емельяновича дочь замолчала.

– Очень жаль, – посочувствовала Тиса. – А Ганну вы не видели?

– А может, она тоже с Симоном дома осталась. Он же не любит всякие там сборища, – пожала плечами Марика. – Или Тонечка забыла ее пригласить.

– Для тебя она – Антонина Сергеевна, – поправила Кошкина дочку.

– Ма, но все зовут ее Тонечка.

– Марика!

К радости Тисы, через минуту в гостиную вошли Лисовы. Градоначальник их встречать не вышел, лишь махнул приветственно рукой. Ганна вела под руку свою бабушку Амалию Валериановну – маленькую худую старушку с пушком белых волос на голове. На подруге Тиса заметила широкий кружевной воротник поверх черной кофточки – наконец-то та связала что-то для себя, а не на продажу. Войнова еще раз пристально оглядела пеструю толпу – а ведь она даже не подумала надеть что-то наряднее своего зеленого шерстяного платья с рукавами-фонариками!

Подруги поцеловались. Марика уступила старушке свое место на козетке. Ганна нагнулась к уху родственницы:

– Бабушка, ты сиди, мы сейчас придем.

Она потянула Тису за руку. Скрипнув дверью, девушки выбрались на увитый плющом балкончик. Полуденный ветер затрепал их волосы. Ганна повернулась к Тисе:

– Ну, что сказал твой лекарь? Нашлось что-нибудь для Зои?

– Не совсем, – Войнова положила локти на перила балкона. Далеко за городком виднелась цепочка пограничных сторожевых вышек. За ними простирались бескрайние степи Чивани с перелесками.

– Такая редкая трава?

– Это не трава, а камень. Каховик. Оберег для беременных.

– Лекарь дал тебе камень? – спросила с надеждой Ганна.

– У него его нет. Возможно, он найдется в ювелирной лавке в Ижеске. Только цена велика.

– И сколько же?

– Около четырехсот рублей.

– Ох, слишком дорого.

– Да. Но если я срежу корзину в Жнухову Горку, то деньги будут. Выигрыш в этом году градоначальник объявил в пятьсот рублей.

Ганна с сомнением уставилась на подругу.

– Ты же еще ни разу не выигрывала. Почему думаешь, что в этот раз получится?

– Я уже гораздо лучше мечу ножи. В последний раз попала в летящую пушинку с четырех саженей. Хотя есть и другой способ заполучить камень.

Лисова мгновенно оживилась в ожидании продолжения.

– Его можно найти в Теплых скалах.

Подруга округлила глаза и стала похожа на сову.

– Ты серьезно? Собираешься в Теплые? Еще скажи, что одна! Мало ты по лесу шатаешься. А в скалы! Нет, это невозможно.

– Я уже там была.

Ганна хлопнула ладонями по перилам.

– Нет, ты все-таки сумасшедшая, – вскрикнула она тоном строгой учительницы. – На месте твоего батюшки я давно бы тебя розгами отходила. И дома посадила под замком.

– Видишь, мне повезло, что моему отцу нет до меня никакого дела.

– Тебе так кажется. Я уверена, папа тебя любит.

– Ну конечно, так любит, что даже не интересуется, как я провела день. А заговаривает лишь для того, чтобы указать на мои недостатки.

– Тиса!

– Хватит об этом, – взмолилась она. – Тем или иным способом, но я достану этот камень для Зои, как и обещала.

Девушки вернулись в гостиную в упрямом молчании. И очень вовремя.

Распахнулась дверь чайной залы, впуская жену градоначальника, немолодую широколицую женщину с карликовым пуделем на руках. Желтое платье с большим количеством оборок делало ее похожей на подтаявший свадебный торт. Положив ладонь на необъятную грудь, Тонечка поклонилась гостям. Собравшиеся радостно загалдели – несмотря на некоторые чудачества хозяев, Лавра и Тонечку все любили за гостеприимность. В конце концов, потворствуя жене, градоначальник устраивает веселые гуляния в праздники.

– Мои дорогие, всех-всех рада видеть! – приятным мелодичным голосом сказала Тонечка. – Прошу прощения за ожидание. Представляю вам наших долгожданных гостей из Крассбурга! – Она потянула мужа за рукав, добавив шепотом: – Лаврик, ты что встал на проходе? Иди сюда.

– Хорошо, моя уточка.

– Не называй меня уточкой! – шикнула на него Тонечка. – Боже, что ты сделал с бантом?!

– Ничего, моя уто... Тонечка, – Лавр вернул порядком «подзавядший» бант на положенное место.

Гости затаили дыхание. Послышались шаги, и в дверях чайной появилась маленькая пожилая женщина в расшитом серебром халате и широкополой шляпе с фазановым пером. Тиса сразу признала в ней ту остроносую даму из проезжей кареты. Следом за ней шествовал молодой мужчина в высоком цилиндре. Аристократической красоты лицо мгновенно притянуло к себе общее внимание. Тиса отметила необычный ярко-небесный

цвет глаз незнакомца. Чудной фасон твидового костюма, остроконечные баки на щеках и манера непринужденно держать себя – весь вид гостя кричал о том, что он не из здешних мест. В одной руке гость держал легкую трость из светлого дерева с набалдашником из круглого сочно-синего лазурита, другой прижимал к бедру саквояж из телячьей кожи.

– Наш новый наместный вэйн Филипп Дронович и его матушка Ордосия Карповна Куликовы, – продолжила Тонечка.

Все захлопали. Колдун поклонился так низко, что уткнулся цилиндром в Тонечкину грудь.

Тиса усмехнулась.

– Почему он не снимает шляпу? – шепнула благоговейно Лисова, не сводя взгляда со столичного красавца. И это рациональная во всех поступках Ганна? Куда дели подругу?

– Наверное, у него там кролик.

Тиса не удержалась от любопытства и оглянулась – все девушки и даже замужние матроны смотрели на вэйна с таким же восхищением. Он тем временем понял свою оплошность и снял цилиндр, открыв взорам синий чуб, блестящий и шелковистый, как у ребенка. На миг гости замерли, переваривая модную деталь.

– Прошу любить и жаловать, – обернулась к обществу Тонечка.

Гости как по команде поспешили знакомиться с вэйном и его матерью. Шумная толпа обступила приезжих. Ордосия Карповна держала спину неестественно прямо, словно проглотила дрын, и чинно кивала. Сын тоже кланялся то и дело, и у него это выходило естественно и свободно. По-детски наивная широкая улыбка легко раскрывала губы Филиппа, как мотылек крылья.

Марика изнывала от нетерпения. Она прыгала на месте, чтобы разглядеть приезжего. Старушка Амалия поправила на носу очки.

– Когда ж этот вэйн выйдет-та?

– Бабуля, он уже появился! Смотрите, вон, с Флором Игнатъевичем разговаривает, – прокричала Марика.

Старушка прищурилась.

– Какой экстравагантный молодой человек. Надеть длинный халат и шляпу с пером. Ростом, однако, не вышел. Хм.

Марика принялась объяснять Амалии Валериановне, что та ошиблась.

– Не хочешь пойти представиться? – спросила Ганна. По лукавому взгляду подруги Войнова поняла, что та что-то задумала, и отрицательно мотнула головой.

– Пора бы тебе пересмотреть свое отношение к вэйнам, Тиса. Избавиться от предрассудков. Мы с бабушкой пойдем с Кошкиными. Может, поможешь бабулю довести?

Пришлось согласиться. Представляться собрались сразу после Горчаков. Но пробиться к столичному гостю оказалось не так просто. Самуил Горчак минуту тряс руку вэйна, твердя: «Идет страда, и ясная погода ох как нужна». Тамара Горчак не переставала тараторить, объясняя Ордосии Карповне, где находится их дом. Наконец Флор вернул вэйну его руку и сдвинулся с супругой в сторону. Филипп пошевелил пальцами, словно хотел убедиться, на месте ли. Но недовольства не выказал. Надо отдать должное красавчику, он был безупречно вежлив.

К столичным гостям подступились Кошкины. Следом за ними Тиса и Ганна с бабулей.

Настасья Ефимовна представила себя и мужа.

– Очень приятно, – вэйн тряхнул в поклоне синим чубом. – Настасья... Какое красивое

имя!

– Спасибо, – зарделась та. – Мы с мужем растим сад, так что если хотите попробовать самые вкусные яблоки в Увее, милости просим.

– И яблочный сидр, – крикнул Никодим.

Филипп поблагодарил за приглашение, пообещав им воспользоваться при удобном случае.

– Он такой обаятельный! Правда, девочки? – шепнула Марика.

Тиса закатила глаза, но даже она не могла придаться к вэйну. Похоже, Филипп действительно искренне радовался каждому новому знакомству, чего не скажешь о его матушке.

– Марика, наша дочь. Вторая наша дочь, Зоя, осталась дома с мужем. Легкое недомогание, – продолжила Настасья Ефимовна.

Вытянувшись как ребенок на уроке, девчонка восторженно рассматривала Филиппа.

– Какое милое дитя, – Ордосия Карповна снисходительно улыбнулась. – Однако своей дочери я бы запретила носить платье с подобным декольте.

Ордосия Карповна подняла орлиный нос. Девичьи уши порозовели. Настасья Ефимовна в растерянности оглянулась.

– Ма, оставь, – грациозно взмахнул кистью руки Филипп. – В Крассбурге я видел и более глубокие декольте на более юных девицах.

– Это отнюдь их не красит, – возразила Ордосия Карповна, – скорее наоборот.

Тиса с Ганной переглянулись.

Никодим Кошкин взял за руку жену и отступил в сторону со словами:

– Познакомьтесь с друзьями нашей семьи. Амалия Валериановна Мятнова, ее внучка Ганна и подруга моих дочерей Тиса. Амалия Валериановна бывший педагог уvejской гимназии. Ганна учитель словесности, обучает наших местных ребятшек читать и писать.

Тиса заметила, как подруга поправила вырез на груди.

– Очень приятно, – Филипп поцеловал сухонькую руку Амалии Валериановны. Старушка при этом не сводила мутного взгляда с синего чуба вэйна.

– Да-а, – протянула Ордосия Карповна, рассматривая Амалию и Ганну. – Весьма похвально. Вы, должно быть, окончили училище? – обратилась она к Ганне.

– Нет, – Лисова пригладила рукав кофточки. – Все нужные знания мне дала гимназия.

– Тогда, милочка, чему вы можете научить детей? Я уверена, что знания может дать только педагог с высшим образованием. Моего Филиппа учил самый дорогой учитель словесности в Крассбурге. Настоящий талантище!

Ганна потупила взгляд.

– Вашему сыну несказанно повезло, – встряла в разговор Войнова. И если бы не ее тон, Ордосия Карповна сочла бы ее слова за комплимент.

– Именно, – женщина окинула капитанскую дочь взглядом с ног до головы.

«Сейчас узнает меня», – подумала в ужасе Тиса.

Неожиданно помощь явилась от вэйна.

– Это любимая тема ма, – сказал он и улыбнулся так, словно просил прощения.

Капитанская дочь вдруг поймала себя на том, что тоже невольно расплывается в ответной улыбке. И одернула себя. Не хватало, чтобы и она имела такой же глупый вид, как у всех девиц в этом зале. Как у него это получается? Наверняка вэйновские шутки. Например, вэйнодухи, вызывающие общий щенячий восторг.

– Поверь мне, Филипп, – откликнулась Ордосия Карповна, – будь у кого столь же безупречное воспитание, как у тебя, они бы тоже говорили об этом. Что тут такого, если мать гордится воспитанием собственного сына? Где ваши родители, милая? Почему они сами вас не представили?

Войнова с опозданием сообразила, что женщина обращается к ней, и упрямо поджала губы, не спеша отвечать. К ним подплыла Тонечка, удерживая рукой подол платья.

– О, наша Тиса – дочь капитана Лазара. Вы разве с ним еще не познакомились? Капитан! Лазар Митрич! На одну минуточку.

Тонечка отправилась к кружку военных, прервала их беседу о прошедшей поездке в Ижеск и всех привела к вэйну, как пастух отбившихся овец. Кошкины и Лисовы вернулись к козетке. В суматохе Тиса уловила момент и вслед за ними скрылась от колючего взгляда Ордосии Карповны.

– Я так испугалась! – жаловалась Марика Ганне. – Думала, сквозь землю провалюсь, когда она стала говорить про вырез. Разве он такой глубокий? А Филипп такой душка, скажи? Но мать его – настоящая гримза.

– Марика, тебе не к лицу такие слова, – нахмурилась Ганна.

– Но ведь это так, – протянула девушка.

Наблюдая издалека, как отец вместе со старшинами и таможенниками назвал свое имя и коротко по-военному кивнул Филиппу и Ордосии Карповне, Тиса радовалась, что удалось улизнуть. Было бы неприятно видеть, как отец пытался бы строить из себя нормального папашу, представляя ее столичным гостям. Опять бы появилось это кислое выражение лица: да, это моя дочь, к моему вящему сожалению.

Вскоре Тонечка всех пригласила в чайную отобедать. Очень вовремя. У многих в гостиную уже урчали желудки.

Объявился Витер, поклонился Кошкиным и Лисовым.

– Разрешите проводить вас к вашим местам за столом, – предложил он Тисе и Ганне.

– Конечно, молодой человек. Буду очень признательна, – Амалия Валериановна уцепилась за руку старшины до того, как девушки успели ему что-нибудь ответить.

Витер с уморительной растерянностью на лице последовал в чайный зал со старушкой. Подруги пристроились за ними следом. В толпу влились военные, и Войнова разобрала басовитый шепот Кубача: «Завтра же прикажу всему подразделению высинить чубы в прачечной».

Глава 8. Видоскопы

Гости расселись. Во главе стола – виновники торжества и хозяева дома. Тиса и Ганна с бабулей разместились по соседству с семьей Кошкиных. Отец со старшинами и таможенники сели напротив. Стол ломился от яств: округ своей тарелки Тиса обнаружила жареного кролика в чесночном соусе с черносливом, салат «крассбургский», салат с маринованными патиссонами и жареными луковыми стрелками, салат из яиц и икры окуня, кувшин с яблочным киселем, графин красного вина и всевозможные закуски.

Девушка налила в свой стакан яблочный кисель и отпила. Есть особо не хотелось, но Витер уже положил в ее тарелку ножку кролика и налил в фужер вина.

Гости накинулись на еду, словно изголодавшиеся волки. Сначала помалкивали, но потом разговорились. Вэйн отвечал на вопросы, которыми его заваливали все кому не лень.

– Какими судьбами к нам, Филипп Дронович? – спросил начальник таможни, обгладывая утиную ножку.

Наместный промакнул салфеткой идеальной формы губы.

– Всегда мечтал служить империи и побывать в ее девственных краях. Представился случай осуществить и то и другое. Отправился в Вэйновий, получил в распределительном отделе служебную путевку – и вуаля, вот я здесь.

– Как же нам повезло, что вас направили именно сюда, – пробурчал с набитым ртом Лавр. По его пальцам потек жир, и Тонечка ткнула мужа в бок.

– А какая у вас специализация? – спросил Флор Игнатъевич Лопухин, с важным видом огладив выдающийся живот.

– Сельско-погодный факультет.

– Добро, – Кузьма Ильин погладил длинную бороду. – Прошлым летом такая засуха стояла, что с поля лишь по центнеру и сробили. А в этом муха побила. Мы без погодника, чай, десяток лет.

– Да, служил в наших краях до вас один, – подхватил разговор Панин, – угрюмый был старик, отшельником на болоте жил, но дело свое хорошо знал. Всюду поспевал, помогал. А потом пропал, сколько голубей ни слали, так птицы с письмами и возвращались. Находились смельчаки, кто к башне его ходил, да все бежали в страхе. По болоту-то, говорят, черный латник бродит.

– Да сказки все это, – отмахнулся Флор Игнатъевич. – Вот птицу, говорят, там видели огромную. В это я верю. Она-то, видать, душечку старика и подняла в небо. А черный рыцарь – это басня. Сочиняют дурни, лишь бы народ в страх вогнать.

– Э-э, не скажи, кум...

Тиса коснулась ладонью лба.

– Что с тобой? – обеспокоилась Ганна.

– Ничего. Я этим рыцарем в одном из своих видений любовалась.

Ганна охнула сочувственно:

– Ты же говорила, они тебя в покое оставили.

– Я тоже так думала. Но в последнее время словно с цепи сорвались...

Ганна погладила Тису по спине.

– Как неприятно, должно быть, тебе.

– Жаль Гарта, – покачал головой Панин, – как знатно работал!

– А вы тучи разгонять сильны? – спросил Кузьма Ильин.

– Да ты что, кум! Сомневаешься? – воскликнул Панин. – Господин в самом Крассбурге учился. Уж верно знает!

– Конечно, – улыбнулся вэйн и гордо добавил: – Сие мы уже на втором курсе проходили.

– Вот видишь!

– Так вы поселитесь в Гартовой башне, Филипп? – спросила Тамара Горчак, крича колдуну с другого конца стола.

Ордосия Карповна испуганно воззрилась на сына, ожидая его ответа.

– Что вы! – Филипп всплеснул руками, поправил кружевной манжет. – Жизнь нелюдимого аскета не для меня. К счастью, нас приняли на постой эти гостеприимные люди, милейшие хозяева – Антонина Сергеевна и Лаврентий Петрович.

Вэйн поцеловал ручку хозяйки.

– Ах, оставьте, – улыбнулась Тонечка. – Делить крышу с такими благородными людьми – одно удовольствие. Но, Филипп, вы нам лучше про столицу, про столицу расскажите. Что сейчас носят?

– О, в этом году в моде узкие клетчатые брюки с запонками. Причем, – красавчик изящным жестом показал на запястье, – запонки на рубашке и брюках должны быть обязательно из одного гарнитура. А еще в этом сезоне в моде шляпы с широкими полями и перьями, вот как у ма.

Тиса зашептала с Ганной.

– Можно потише, пожалуйста! – шикнула на них Марика, вытягивая шею, как цапля из камышовых зарослей. – Мне не слышно.

– Как интересно! – воскликнула Анфиса. – Папа, я хочу шляпку с пером!

– Что это, Филипп? – мать вэйна ковырнула вилкой салат.

– Это грибы, Ордосия Карповна, – поспешила ответить Тонечка. – Их нынче много собирают в наших лесах. Очень вкусные, попробуйте.

– Я не ем грибы, – оттолкнула от себя тарелку женщина.

Тонечка отдала салат слуге, и тот унес его на другой конец стола, где его с благодарностью встретили шкалуш и Тамара Горчак. Женщина не переставала что-то рассказывать новобранцу. Тиса пожелала, чтобы она заговорила юнца до полусмерти. Но судя по его бодрому виду, до этого еще далеко.

– Попробуйте этот салатик, Ордосия Карповна, в нем только овощи и никаких грибов, – Тонечка поставила перед женщиной вазочку с овощным салатом.

Вэйн продолжал:

– В этом году после реставрационных работ открылась государственная филармония. Ма уже ее посетила, а я не успел. Открылось новое казино на Пряничной. Прекрасное сукно... Но самое интересное, – продолжил Филипп под взглядом матери, – появились новые тарантасы, которые не используют лошадиную силу для передвижения. Правда, ездят на них сейчас только высокопоставленные особы. Но говорят, за ними будущее.

– То есть как? – удивился Ильин. – Коляски без лошадей?

– Не может быть! – крикнул Нестор Обло, не замечая, что макает кудри парика в вино.

– Да, гениальный наклад вэйноцеха, – наместный поднял брови. – Как бы понятно объяснить... Кареты оснащены белым кварцем размером с мостовой булыжник. Если б вы видели, какой в камне наклад! Нитей в нем как пиявок в банке лекаря. Этот кварц собирает энергию солнца и преобразует в ходовую силу. И вуаля, лошади не нужны!

Зал ахал и восхищался полчаса.

Вэйн дождался, пока уляжется гул голосов.

– Позвольте от нас с ма подарить вашему городу в лице хозяев этого гостеприимного дома пару простеньких сувениров.

Общество одобрительно загудело. Ордосия Карповна, надув щеки, ткнула сына локтем. И пока он копался в своем саквояже, лежащем у ножки стула, ткнула еще раз. Когда колдун выпрямился, в его ладонях лежала пара круглых предметов. Взгляды присутствующих сошлись на них.

– Но, сын, это же подарок дяди, – прошептала мать Филиппу сквозь зубы.

– Ничего, ма. Я думаю, дядя был бы рад узнать, что они достались славным людям.

– Что это, Филипп Дронович? – спросила Тонечка, не отрывая глаз от сувениров.

– Это видоскопы, – Филипп закинул ногу на ногу. – Если посмотреть вот сюда, в окуляр, – вэйн указал на круглое отверстие, – то можно увидеть картинку. Какую, вы сами поймете. Несравненная Тонечка, можно пустить видоскопы по кругу? Пусть все посмотрят.

Что тут началось! Половина гостей повскакивала с мест, ожидая своей очереди. То и дело слышались выкрики смотрящих в окуляры.

– Это Вэйновий! Вот это да! Красота какая!

– Коронация императора! Дракон двигается! Живой, клянусь Творцом!

– Ой, мамочки! Какие наряды!

– Изумруды! Изумруды-то в короне – размером с куриное яйцо!

– Дивно! Добро! Невероятно!

Марика заегозила.

– Ах, девочки, я просто умру сейчас от любопытства!

Тиса сначала отнеслась скептически к новым вэйновским штучкам, но потом услышала слово «дракон». После этого она не хуже Марики изнывала от ожидания. Но виду не подала, продолжая попивать кисель из стакана.

Наконец чародейская вещица коснулась ее рук.

Приставив к глазу видоскоп, девушка ахнула. Она оказалась на смотровой площадке знаменитой колокольной башни, самого высокого собора Единого и святой Пятерки в Крассбурге. За ее спиной звонница, увешанная колоколами размерами от мала до велика. Под ногами – гранитная плитка. Впереди – необъятный взором вид столицы. По центру, словно гигантский гриб, подпирающий небесный свод, – белокаменное здание Вэйновия. Башня с многочисленными окнами – ножка «гриба», купол из матового стекла – его шляпка. Под куполом, словно юбочка поганки, – опоясывающая башню площадка, к ней со всех сторон, как пчелы в улей, слетались вэйны на рысках. Тиса читала об этих крылатых кошках в энциклопедии древних. Жаль, вживую ни одной летучей рыси не видела. Зрелище поражало воображение. Все в этой картинке жило: с высоты собора было видно, что далеко внизу по улицам двигаются кареты, по парку прогуливаются люди. Правда, разглядеть их в подробностях не представлялось никакой возможности.

Кинув последний взгляд на Вэйновий, «путешественница» с сожалением вернулась в чайную, отдав Ганне видоскоп. Вторую диковину ждала с большим нетерпением, ведь в ней она увидит дракона! И если речь шла о коронации, то императорского белого. Некоторые считают, что белоснежные винторогие драконы и есть потомки Вемовея – дракона святой Вэи. На нем пятая святая прибыла на зов Единого, когда тот создавал мир. Однако в данной гипотезе имелась неувязка: Вемовой по Святому писанию – белый единорог, а белые

императорские драконы – двурогие древние.

Тиса схватила видоскоп как сокровище и приставила к глазу окуляр. В этот раз она оказалась в ложе тронного зала с ажурными белыми колоннами. Свод украшала цветная роспись со сценами из Святого писания. Народ славил нового императора, бросая шапки в воздух.

Дракон оказался нежно-розовым, каждая чешуйка на гибком теле сияла подобно жемчугу. Глаза раскосые, как у оленя, радужка глаз – красная. Розовые крылья сложены за спиной. Дракон гордо нес свои витые рога, как и своего наездника в золотом тронном седле. Приветствуя свой народ, император поднял левую руку, правой прижимая к сердцу державу с символом Единого. Длинный алый шлейф, отороченный мехом горноста, спадал с плеч монарха на спину дракона, и в свете тысяч вэйновских долгоиграющих свечей блестели камни в золотой короне на челе Гория. Император походил на героя древних былин. На красивом мужском лице – гордость, суровость и благородство. Тиса смутилась: всему этому великолепию не хватало естественности. Она еще раз взглянула на дракона и отдала видоскоп Ганне.

Ажиотаж вокруг сувениров постепенно утихал. Тонечка и Лавр благодарили Филиппа за подарки, тот в ответ улыбался, даже порывался еще что-то подарить... Но на этот раз мать вцепилась в его локоть мертвой хваткой, и колдун оставил свою затею.

– Я думаю, вещицы не из дешевых, – сказала Ганна. – Вэйн проявил щедрость.

– Может, он так расплачивается за постой, – предположила Тиса.

– За постой можно было заплатить и меньшую цену, – заупрямилась Лисова. – Кстати, Витер снова не сводит с тебя глаз, Тиса. Не могу понять, почему ты его не поощряешь. Неужели старшина тебе совсем не нравится?

Та лишь неопределенно пожала плечами, а Ганна покачала головой.

– Ты знаешь, что у него дядька большой скорняжной мануфактурой в Ижеске владеет? Своих детей нет, племянник только. Получается, Витер его единственный наследник.

– Откуда ты знаешь?

– Зоя сказала, а она от Руслана... Что молчишь?

– А что я должна сказать? Я за него рада.

– Ну и глупо. Тебе не пятнадцать, пора задуматься о будущем. Крохов немного грубоват, но это издержки военной профессии. Приглядишься к нему, прошу тебя. Дай ему шанс тебе понравиться, не прячься в своей ракушке.

– Он идет, Ганна.

Девушки замолчали.

Витер бросил хмурый взгляд на вэйна.

– Какой переполох из-за сувениров.

– Но признайте, старшина, ведь на самом деле интересные вещицы, – Лисова склонила голову набок.

– Такие, верно, в столице по копейке продают, а наши дурехи млеют, – усмехнулся Витер.

Тиса и Ганна оглянулись на Филиппа – действительно, его плотным кольцом окружили девушки, и Анфиса в их числе.

– Филипп Дронович, а можно посмотреть вашу палочку? – услышала Войнова, как прощбетала одна из девиц.

Но ее отпихнула локтем другая:

– Не палочку, а скап. Я о таких в книге читала.

– Правильно говорить не скап, а скип, – Анфиса задвинула обеих выскочек на задний план. – Деревню из вас вовек не выбить.

Колдун слушал и улыбался, причем всем одинаково любезно.

– Нет, это, барышни, не скип, – объяснил он. – Скип – это опасное оружие, а мою трость правильно называть силовым жезлом.

– Как замечательно звучит! А можно потрогать? – Анфиса послала вэйну самый томный взгляд из своего арсенала.

– Конечно, – прокашлялся Филипп.

Женские ручки погладили лазуритовое навершие. Тису чуть не стошнило от зрелища.

– Здесь есть лимонные леденцы? – обронил вэйн, потрогав свое горло. Две девицы сорвались с места в поисках конфет.

Войнова вдруг почувствовала стыд за них.

– Простите, девушки-красавицы! – к колдуну пробрался градоначальник. – Филипп Дронович, не хотите перекинуться в дурака?

– Муж имел в виду не желаете ли сыграть с нами в карты, Филипп? – пришла на помощь мужу Тонечка. Она кивнула в сторону столика, где уже расположилась компания.

– С удовольствием. Барышни, прошу великодушно простить меня.

Филипп покинул общество прилипчивых поклонниц.

Проведя в компании Ганны еще полчаса, Тиса уже подумывала покинуть с Лисовыми этот «праздник», но неожиданно за окном зашумел дождь. И Самуил Горчак привлек внимание всех присутствующих – землевладелец бросился к игральному столу с воплем:

– Любезнейший сударь наш, Филипп Дронович! Дождь! Дождь начался. Помогите, замучились с ним! Разгоните тучи!

Все подхватили просьбу. Вэйн согласился без особого энтузиазма, оставив недоигранный кон.

Через пять минут вся компания, как горошины из стручка, выкатилась на террасу первого этажа. Столпились. Колдун открыл саквояж и вытащил из него трубку, встряхнул, и она вмиг разложилась в нечто похожее на пюпитр. На него он водрузил также вытащенную из багажа толстую книгу, судя по свежей краске непонятных букв на листах – новую. Вэйн внимательно поглядел на небо, туда, где сошлись два здоровых сизых облака. Затем минуты три листал книгу, бурча что-то под нос. «Вот!» – поднял он взгляд на публику.

– Попрошу отодвинуться подальше. Вэя – дело опасное. Непредсказуемое.

Все в ужасе сделали два шага назад. Филипп эффектно вознес в небо жезл с лазуритом и, заглядывая в книгу, зашептал неразборчивые слова. Трость заходила в его руке как палочка дирижера, описывая круги и восьмерки. Войнова слышала девичьи восторженные вздохи.

– Ажб перессо мольор, – громко начал колдун на мертвом древнем языке, затем перешел на неслышный шепот.

– Исчезают! – долговязый слуга поднял указательный палец в небо.

– Блажен, кто верует, – пробурчал Витер.

Но тучи действительно будто раздвинулись. Слегка поредели, стали уже не такими сизыми.

Вэйн быстро перевернул страницу, продолжая читать дальше.

Облака притянулись друг к другу, слились в одну тучку, и полил дождь. Погодник с недоумением поднял глаза к небу.

– Как же это? – обернулся он к промокшей публике.

Флор Лопухин хмуро скрестил руки на груди.

– Подождите, – спокойно сказал Филипп. – Это недоразумение.

Он снова обратился к книге. Потом облегченно выдохнул:

– Господа! Листы склеились.

Это было сказано так искренне и приправлено столь очаровательной улыбкой, что зрители рассмеялись. Публика выбрала следующую тучку для эксперимента. И на сей раз у чудесника все прошло гладко: облако рассеялось и под гром аплодисментов ярко засветило солнце. Великолепное завершение дня.

Глава 9. Нора под старым дубом

Камилла обернулась на робкий стук в окно и всплеснула руками:

– Платон Акопыч!

Она подскочила со стула и чуть не опрокинула тарелку с оладьями. Если бы не ловкость Тисы, кот Огурец получил бы долгожданную еду раньше срока.

В распахнутой раме показалось худое лицо молочника.

– Камилл Санна, принимайте.

Позвякивая крышкой, в окно протиснулся пузатый жбан.

– Сливки, – шевельнул тонкими усами мужчина, – с утрешнего удоя.

– Ой, ну зачем вы, Платон Акопыч, – кухарка подвинула к себе жбан. – Давайте я вам денюшку отдам.

– Нет-нет! – выставил тот раскрытые ладони. – Это вам подарок.

– Ну спасибо, – женщина заправила локон под косынку. – Не хотите ли зайти, оладьев с нами откусать?

Акопыч вытянул шею. Увидев за столом Тису, вежливо отказался.

Поблагодарив еще раз молочника, Камилла закрыла окно и отнесла жбан на кухню.

Доедая оладушек с медом, Тиса внутренне готовилась к следующему наплыву вопросов о прошедшем обеде у градоначальника. Кухарка и так уже вытрясла из нее многие подробности, но все не унималась, и новые вопросы изливались из нее как сбежавшее молоко.

В столовую заглянула Уля и сообщила, что капитан желает видеть дочь у себя в кабинете. Спустя минуту Тиса поднималась по ступенькам, гадая о причине неожиданного вызова. Решила, что разговор скорее будет неприятный, и не ошиблась.

– Тиса, зачем ты ходишь в скалы? – спросил отец, как только она переступила порог кабинета. Сегодня он смотрел на нее так, будто уже не один зуб болел, а вся челюсть.

Тиса притворила дубовую дверь, соображая, что ответить – растерялась от неожиданности.

– Папа...

– Ты была на гряде. Я ведь предупреждал тебя, – капитан забарабанил пальцами по столу. – Не обессудь, я снова приставляю к тебе человека.

– Ты же знаешь, что это пустая трата времени! – заныла Тиса. – Я все равно убегу от твоих шпионов.

– Не шпионов! – отец стукнул по столу кулаком так, что звякнула чернильница. Лоб его медленно багровел. – Не заставляй меня принимать более жесткие меры!

Дочь прислонилась к дверному косяку.

– Где были твои меры, когда мне было тринадцать, пятнадцать, шестнадцать? Если бы мама была жива, ты бы никогда...

Почувствовав, что из глаз вот-вот хлынут слезы, она выбежала из кабинета, на лестничном пролете столкнувшись с Витером.

– Тиса Лазаровна? – пробасил он.

Но она уже добралась до своей комнаты и хлопнула дверью.

Спустя полчаса девушка покинула убежище успокоенная, и если бы не бледные щеки и сжатые в кулачки руки, можно было бы подумать, что она в хорошем расположении духа.

Тиса спустилась в столовую, заглянула на кухню. Камилла крошила огурцы для салата, кот терся о ноги кухарки и выпрашивал угощение. У нее хозяйка узнала, что Жич забрал новобранцев таскать мешки с крупой на склад.

И верно. У склада стояла телега, наполовину заполненная мешками, которые солдаты сгружали и заносили во владения Шилыча. Тиса увидела, как Трихон взвалил на спину мешок, и преградила ему путь перед входом в складское помещение.

– Зачем ты рассказал отцу? – налетела на него девушка.

– Я не понимаю, – новобранец сморгнул. – О чем рассказал?

– О скалах! У нас же был уговор.

– Простите, барышня, но я без понятия, откуда прознал об этом ваш родитель. Прошу вас посторониться.

Входя в проем, юноша забыл пригнуться. Мешок зацепился за дверной косяк и рухнул с его плеч, дерюга лопнула, и овсяная сечка рассыпалась горкой.

Трихон с досады сплюнул.

– Я не знаю, что и от кого вы слышали, – сквозь зубы проворчал он. – Но капитану я ничего не говорил.

Тиса задумалась на миг.

– Значит, это Агап, – прошептала она.

Откуда ни возьмись объявился Жич, схватил Трихона за ухо и устроил такой нагоняй парнишке, что Тисе даже жалко его стало. Она постаралась объяснить, что это ее вина, но повар лишь отмахнулся.

– Идите к себе в лекарню, барышня, – проревел он.

Осталось только посожалеть о содеянном и направиться в лазарет. Лекарь с Ричем пили чай на кухне. Тиса встала на пороге.

– Агап Фомич, это вы рассказали отцу, что я бываю в Теплых?

Ей очень хотелось сказать «предали».

Врачеватель потер бороду.

– Садись, Тисонька, может, чайку с нами выпьешь?

Тиса плюхнулась на пустой табурет, все больше раздуваясь от обиды, как лягушка.

– Зачем, дед Агап?

Рич молчал, понимая, что ему лучше не вмешиваться в разговор.

– Я боюсь за тебя, девочка, в скалах опасно. Не дай Единый, сорвешься, костей не соберешь. А так, может, хоть кто подсобит в трудную минуту.

Плечи Тисы опустились, и лекарь взял ее ладони в свои – сухие, морщинистые.

– Был бы я не так стар, сам бы с тобой отправился. Не ругай меня, дочка, просто по-другому я не могу тебя защитить.

Нет, это выше ее сил. Ну что с ним поделаешь?

* * *

Во вторник пришло приглашение от Тонечки. Тиса как раз закончила метать ножи у голубятни и, сняв с тына измученный березовый чурбан, отбросила его на поленницу под стреху. Тут ее и нашел Цуп с письмом. Жена градоначальника решила устроить танцевальный вечер. Войнова вспомнила лицо вэйна, затем его матери. Идти туда не очень-то хотелось, но

эти намеки, что она сторонится общества и превращается в дикарку... Возможно, подруга права. После обеда девушка поднялась в свою комнату и, открыв шкаф, обозрела скудный гардероб. Анфиса-то, как всегда, расфуфырится.

Через час Тиса ждала Ганну у ворот увежской гимназии, приземистого здания с большим круглым палисадником во дворе. Клены хлопали в листья-ладоши, солнце согривало макушку. Учительница помахала рукой из окна и распустила своих подопечных. Тиса смотрела на пробегающих мимо гимназисток – румяных, живых и говорливых, словно стайка свиристелей.

– Как я рада тебя видеть! – Ганна обняла ее. – Что-то случилось? Нечасто ты ко мне в гимназию заходишь.

– Ничего не случилось, просто прошу помочь мне кое-чем.

Узнав причину, Лисова чмокнула подругу в щеку.

– Уж не молодой ли старшина на тебя так хорошо влияет?

– Не думаю, – Тиса почувствовала, как загорелись уши. Она не могла ответить на этот вопрос точнее, поскольку сама не до конца понимала собственные желания.

Ганна подхватила ее под руку, и они поспешили по дорожке к дому Дарьи Комаровой – хорошей швее и знакомой Лисовой, которая частенько плела кружева для клиенток мастерицы. Следующие два часа Тиса провела в роли объекта для измерения вдоль и поперек. Обсуждался фасон, ткань, цвет будущего платья. Также она купила у швеи набор пуговиц – давно хотела заменить на своей черной кофте – и еще несколько красивых лент для волос. Особенно ей понравилась василькового цвета ленточка с серебристой ниткой по краю, неброского вида, но со вкусом. Тиса недолго думая затянула волосы в хвост и повязала его обновой.

В часть она вернулась с закатом. На крыльце капитанскую дочь перехватил Витер. Он предстал перед ней в расстегнутом мундире – старшину, видимо, донимала жара. Вид голой мужской груди слегка смутил Тису.

– Добрый вечер, Тиса Лазаровна! Не поздно ли гулять в одиночестве?

– Я не боюсь, – задрав подбородок, Войнова старалась смотреть ему в лицо, в то же время избегая глаз.

Заметив ее смущение, мужчина улыбнулся краем губ.

– Вы, должно быть, слышали о приеме у нашего любимого градоначальника? – Девушка кивнула. – Ему не терпится снова похвастаться столичным хлыщом, – последнее слово старшина словно выплюнул. – Я надеюсь, вы поедете?

Он неловко вытянул руку и оперся о косяк двери.

Надежда быстренько проскользнуть мимо пропала. Тису посетила догадка – Витер, вероятно, пьян, и не стоит его распалать.

– Да, отец в числе приглашенных.

– Без вас вечер пройдет дьявольски скучно.

Грубый тон, каким была произнесена фраза, не помог скрыть неуверенность. Тиса оглянулась, сожалея, что никого нет поблизости: Крохов позволял себе вольности только без свидетелей. Прямолинейность его вызвала в душе Тисы волну неясной тревоги и чувство, словно ее подталкивают к клетке с большим куском сыра и дверца вот-вот захлопнется.

Из окна послышался чей-то продолжительный хриплый кашель. Мужчина отвлекся, и Тиса, воспользовавшись случаем, быстро попрощалась и юркнула в корпус.

Перед сном девушка дольше обычного просидела у зеркала в смятении чувств. В

таинственном мерцании свечи медовые глаза рассматривали оголенные плечи, нежную округлость груди, ямочку пупка... Наверное, Ганна права насчет Витера. Возможно, Тиса даже смогла бы его полюбить, ведь часто любовь строится на уважении. Но почему же так тягостно рядом с ним?

Уснула она далеко за полночь.

* * *

Ватрушка радостно съела с ладони хозяйки хлебную корку и пару морковок. Ополоснув руку в корыте с водой, Тиса накинула на спину кобылки седло. Появился Зошик и сам занялся ремнями.

– А что с Цупом? – спросила Тиса. – На вечер к градоначальнику нас новобранец возил. Может, ему настой трезвучая опять приготовить?

– Трезвучай ему точно не нужен, – хохотнул Зошик. – Живот у него тогда прихватило, да так и продолжается. Как хмельное в рот нальет, так на горшок бежит. А так жив-здоров, четыре ходки сделал вчера на базар по распоряжению Жича.

– Странная непереносимость, – хмыкнула Тиса. – Ты ему передай, пусть в лазарет пойдет.

– Скажу, – пообещал Зошик. – Только ему же на пользу, если эта болячка продержится. Конюх помог капитанской дочери подняться в седло.

– Слышал, вы у градоначальника на обеде с новым наместным колдуном кушали.

Тиса кивнула.

– Поговаривают еще, что он красавец писанный, – Зошик лукаво подмигнул девушке, улыбнулся, сверкнув кривым зубом.

– Дядь Зошик, – протянула Тиса.

– Ладно-ладно, не спрашиваю.

Чутье подсказывало, что на этот раз ей улыбнется удача. Еще и опушка не показалась, а Войнова заметила за собой хвост. Отец не обманул, приставил-таки солдата. Ну ничего, она была уверена, что очень быстро отделается от шпиона, как было с прочими до него. Всадница пустила Ватрушку бодрой рысью, но когда оглянулась в очередной раз, то к неудовольствию заметила, что расстояние не увеличилось, а сократилось. К тому же стало ясно, что шпион не кто иной, как шкалуш. Ну конечно, как она раньше не догадалась – кто лучше горца знает, как вести себя в скалах.

– Ну хорошо, посмотрим, сколько ты продержишься. Если скалы тебе дом родной, то мне – лес, – прошептала Тиса и погнала кобылу в чащу.

Зная, где та может пройти, она меняла одну тропу на другую, ловко объезжала поваленные деревья. Но когда затаивалась, слышала топот за спиной. В конце концов она поняла – оставалось бежать к корявому дубу.

Когда тропинки растаяли и чаща стала для лошади непроходимой, Тиса привязала Ватрушку к остролистому грабу. Закинув сумку на плечи и нырнув в заросли, старалась ступать тихо и быстро. Пару раз казалось, что новобранец отстал, но вскоре она снова слышала треск ветвей за спиной. Недооценила паренька. Как он ее находит?

Впереди показался кряжистый дуб. Тиса знала: если в одном месте пролезть меж его корней, то попадаешь в большой подземный лаз. Девушка обежала поляну два раза, чтобы

запутать следы, и только потом протиснулась в дыру под дубом. Ее окружила темнота, запах влажной земли коснулся носа. Толстые корни будто огромные змеи вились над головой. Замерла, услышав шорох, доносившийся сверху, и вздрогнула от неожиданности, когда в просвете дыры показалось сосредоточенное лицо парнишки. Цепкий взгляд шарил по поляне и палой листве. Значит, нужно двигаться дальше. Дождавшись, пока шкалуш отойдет от дуба, беглянка опустилась на четвереньки и на ощупь полезла во мраке. Корешки цепляли ее голову, сумку, плечи, за шиворот сыпалась земля. Через некоторое время впереди засветилось пятно выхода. Последнюю пару саженей Тиса улыбалась собственным мыслям. Шкалуш с глупым видом будет круг за кругом бегать по поляне, не в силах понять, куда она делась.

Нора вывела ее к оврагу. После дождей по его дну проносились селевые мутные потоки, подмывая крутые стенки. Сейчас здесь стояли лужи, и в них мокли первые желтые дубовые листья. Тиса разогнула спину, поднимаясь с колен, и потопала подальше от лаза. Через некоторое время остановилась, руками стряхнула комки земли с волос. Рядом послышался шорох. Медленно подняв взгляд, увидела на краю оврага стаю волков. Восемь животных. Бока их, покрытые палевой густой шерстью, подрагивали при рычании, черные пасти щерились, стальные глаза холодно оценивали человека. Осторожно, сохраняя плавность движений, девушка согнула в колене правую ногу и вынула из ботинка пару ножей – в левом еще пара в запасе. Определила вожака и произнесла угрожающе:

– Уходи! Вам со мной не справиться! – сжала ножи в ладонях, подняла выше, чтобы волки смогли их увидеть. – Я – не ваша добыча.

Тиса впиалась взглядом в острые зрачки звериных глаз, боясь даже моргнуть. Вожак должен почувствовать ее превосходство. Волки ждали, не двигаясь с места.

В уме девушка прикидывала исход схватки. Даже если она успеет вытащить вторую пару ножей, все равно ей не одолеть всю стаю. Звать шкалуша на помощь бесполезно, он не успеет. Волки услышат отчаяние и растерзают вмиг. Тиса, тяжело дыша, почувствовала, как леденеют пальцы рук. Вдруг зрачки зверя дрогнули, вожак отступил, и волки, поджав хвосты, пригнули к земле головы и один за другим стали исчезать в кустах терновника.

– Ага! – выдохнула Войнова, опуская напряженные плечи. – Бегите! Я вам не по зубам.

Она развернулась и чуть было не вскрикнула от неожиданности: на круче оврага стоял шкалуш.

– Ты меня испугал, – фыркнула Тиса, махнув дрожащей рукой в его сторону.

Новобранец закрепил дубинку на перевязи и подал беглянке руку. Но она выбралась из оврага сама, игнорируя предложенную помощь. Шкалуш проследил взглядом.

– Вы могли погибнуть, – угрюмо произнес он.

– Они бы не напали, – ответила без особой уверенности.

– Значит, благодарность ждать бесполезно?

Тиса сморщила нос, чувствуя, как растет досада. Взвалив на плечо сумку, она пошла по-над оврагом в сторону, где над кронами светилась далекая гряда белых скал. Шкалуш двинулся за ней следом.

– Вы странная. Готовы вымазаться в земле, лишь бы бродить по лесу одной. Это что? Способ показать независимость? Или обыкновенное безрассудство?

– Не твое дело, – огрызнулась Тиса.

Да, она злилась. И что самое отвратительное – злилась на себя, чувствуя правоту в словах новобранца.

– Поверьте, у меня самого нет никакого желания быть вашей нянькой. Капитан приказал

сопровождать вас, и я это делаю из служебного долга, хотите вы того или нет.

Войнова сцепила зубы:

– Отец...

– Я понимаю его... – начал было Трихон.

Терпение девушки исчерпало себя.

– Стой, – она резко остановилась, подняв руку. – Мне и так не в удовольствие терпеть твое присутствие, мальчик, – заметила, как шкалуш сморщился от такого обращения, – поэтому прошу, не заставляй меня вдобавок выслушивать твои догадки. Сопровождать – на здоровье. Но молча!

Парнишка сверкнул глазами, однако не произнес ни слова. За что Тиса была ему почти благодарна. Она направлялась через лес к гряде. В голове один за другим звучали упреки отцу. Трихон шуршал листьями позади нее. День был испорчен, что совсем не удивительно: как тут сосредоточишься, если постоянно чувствуешь присутствие «чужого»? Новобранец молчал, как его и просили. И это молчание придавало поискам каховика еще больше нелепой мрачности. Под прицелом колючего взгляда «шпиона» Войнова ощущала себя неудобно: движения казались неуклюжими, мысли мешались в голове, толкая друг друга, и она все больше злилась.

Двигаясь вдоль подножия гряды, обойти удалось малый участок восточной стороны Большухи. Ни каховичной жилы, ни удовольствия от прогулки. Возвращаясь домой, девушка винила шкалуша в неудаче этого дня. А еще больше – отца.

Глава 10. Вечер танцев и ночные фиалки

От тумана остались одни клочья. Пахло землей и прелой листвой, где-то кричал сыч. Она бежала. Под ногами шуршала листва. Ноги, ноги, ноги. Безумный бег сквозь чащу. Ветки терновника вырывают клочки меха. Рядом бегут... серые бока. Не нападают. Она слышит их мысли. Свои. Идут по следу. Нос дернулся, уткнулся в землю, взрыл палую листву. Кислый запах. Они не успевали. Кабаны снова обхитрили их. Но еще есть надежда догнать. Снова бег. Не останавливаться.

* * *

Тиса отложила зеркальце. Из-за ночного видения у нее теперь на весь день лиловая «красота» под глазами. Плохо. Сейчас, на свежую голову, девушка по-другому воспринимала вчерашние события в лесу. Единый! Ее ведь и правда могли растерзать эти звери. Нелегко было признаться, но шкалуш действительно ее спас. А она на него набросилась. Что с ней не так? Себя Тиса раньше злыдней не считала. Даже то, что паренек убежал по ночам из части, не делало его великим злодеем. Сколько она сама сбегала из дома в свой переходный возраст, гуляла по лесу, не желая возвращаться. Похоже, неудача с поисками каховика выводила ее из себя. И еще отец...

В раздумьях девушка достала из шкафа новое синее платье с кружевами цвета ночного неба на груди и манжетах. Швея все сделала как надо, платье хорошо подчеркивало тонкую талию и соблазнительно открывало в вырезе грудь.

Появилась Уля, чтобы сделать прическу, но либо Тиса забыла, как больно укладываются локоны на затылке, либо горничная сегодня была в ударе.

В итоге в зеркале отражалась девушка с гладко зачесанными назад каштановыми волосами и торчащим на самой макушке пучком круто завитых локонов.

– Я похожа на морковную ботву.

– Ну как хотите. Я старалась, – проворчала Уля.

Не сказать, что прическа девушке понравилась, но сама она лучше не сделала бы. Тиса улыбнулась горничной в зеркале.

– Спасибо. Я только заметила, что ты сегодня в бабушкиных сережках. Идешь гулять?

В розовых ушках Ули действительно блестели аметистовые серьги, которыми, как знала Тиса, владелица очень гордилась и надевала по особым случаям.

– Да. Девчонки зовут, – не вдаваясь в подробности, ответила горничная, отложив щипцы и гребень.

Тиса достала из шкатулки две серебряные шпильки в виде лилий – память от мамы. Подержала их в ладонях, прежде чем передать Уле.

– Мне кажется, они подойдут к платью.

Горничная воткнула шпильки в основание пучка. Затем подмела упавшие на пол волосинки, собрала в совок и удалилась.

Надев платье, Войнова с ужасом заметила, что на левом манжете оборвано кружево.

– Тиса! – услышала она крик Камиллы за дверь. – Поторопись, Лазар Митрич уже теряет терпение.

– Сейчас иду! – крикнула в ответ. Она и так затянула со сборами – в отместку отцу за «шпиона».

Что же делать? Девушка огорченно цокнула языком. Пришить кружева она точно не успевала, да и ниток такого цвета не найти во всей части. Пришлось менять платье на коричневое, закрытое под горло.

Тиса посмотрела в зеркало и погладила наручные часики на запястье.

– Да, мама, не все получается так, как мы хотим.

Она закрыла глаза, представив мамин поцелуй на своем лбу.

Во дворе военной части сгущались сумерки, и на проходной горел фонарь. Отец и Кубач ждали ее в коляске. Витер не встретил ее у крыльца, вопреки ожиданию, – он сидел в седле и курил папиросу в мундштуке.

– Добрый вечер, Тиса Лазаровна. Приятно вас видеть, – легкий поклон в ее сторону.

В темноте она не разглядела его глаз.

– Садись, Тиса. Едем, – раздраженно бросил отец.

Надо ли говорить, что на козлах снова сидел «шпион»?

Особняк Лавра при въезде встречал гостей рядом фонарей, зажженных по случаю. Окна первого этажа светились, доносились голоса и музыка. На лестнице Витер предложил Тисе свой локоть. Она не стала отпираться. Пока ступеньки скрипели под ногами, девушка удивленно покосилась на своего спутника. Старшина прихорошился, парадный мундир, вычищенный до блеска, сидел на нем идеально.

Прием был организован в уютном зале с выходом на террасу. Вечерний воздух освежал головы гостей, особенно уже успевших угоститься яствами и винами, выставленными на столиках.

Отец заговорил с Кубачом о делах. Подошла Тонечка и лукаво улыбнулась Витеру:

– Витер Митрич, какой вы сегодня нарядный. Не правда ли, Тиса?

– Да, конечно, – легко согласилась девушка. Извинившись, она направилась к Кошкиным, не замечая недовольства кавалера ее уходом.

– Войнова! И ты тоже здесь, – ну конечно, Анфиса Лопухина.

Пришлось обернуться и лицезреть мясную принцессу со свитой корявеньких девиц Грипы и Фени, которых Анфиса таскала за собой ради удачного фона. Червячок зависти коснулся Тисиною сердца. До чего же Фиска яркая. Платье кизилового цвета, ажурные рюши на голых мягких плечах, в ямочке у основания нежной шеи – коралловый медальончик. Красотка улыбалась ей, но Тиса знала цену этой улыбке. От пухлых губок она могла дожидаться только очередной гадости.

– Как видишь, – Тиса вздернула брови.

– Ты зря так торопилась, – Лопухина сморщила острый носик. – Тонечка все еще прячет от нас Филиппа. Ты могла бы успеть переодеть свое домашнее платье.

Свита противно захихикала.

Тиса не нашлась, что ответить, да так и осталась растерянно стоять посреди зала. Она огляделась, боясь, что кто-то стал свидетелем разговора. К счастью, никто интереса не выказывал. В опасной близости был Трихон, но он, задрвав форменный рукав, показывал молоденькой курносой служанке голубую кадетскую наколку. Служанка то и дело улыбалась и что-то щебетала. Нет. Похоже, шкалуш не слышал.

– Какая у тебя веселая прическа! – вместо «здрасте» сказала Тисе Марика.

Зоя, Руслан и Ганна встретили ее очень радушно, и Войнова заставила себя не думать о

словах Анфисы, чтобы не портить вечер. Зоя спросила об обереге с таким отчаянием в глазах, что Тиса не смогла рассказать всю правду. Не вдаваясь в подробности, она еще раз заверила подругу, что достанет каховик к сроку.

По усилившемуся гвалту голосов и активности женской половины собравшихся стало ясно, что появился Филипп. Вместо цилиндра на этот раз голову вэйна украшала шляпа цвета слоновой кости, элегантно сдвинутая набок. Бледно-голубой костюм придавал фигуре колдуна грациозную воздушность.

Ордосия Карповна нынче предпочла черные одежды и как никогда напоминала длинноносую ворону.

Вечер начался. Спустя некоторое время Тиса ощутила легкость. Или это молодое вино так ее развеселило? Она смеялась, и даже Витер своим присутствием не вызывал обычного напряжения. Старшина поднес второй бокал. Войнова заметила колдуна, разговаривающего с отцом и главой таможни, и не могла удержаться от любопытства послушать разговор.

Зарай Климыч уже порядочно захмелел и запряг любимого конька. Бедняга вэйн попал под горячую руку.

– Не знаю, палата все время заседает и издает всякие указы. А Вэйновий не вмешивается в... – тянул Филипп.

– Э, молодой человек, хоть мы и в дыре, но тоже кой-чего слышали, – Зарай Климыч шутя погрозил пальцем. Усы начальника таможни, похожие на щетку, при улыбке растянулись под носом как гармошка, а на подбородке проступила ямка. – Говорят, император Горий уже не правит, всю власть держит верхушка Вэйновия. Скажи, Лазар?

Отец положил в тарелку недоеденную кисть винограда.

– Я не вижу в этом преступления, – кашлянул он. – Вэйновий, палата и император всегда были в одной упряжке.

Начальник таможни махнул на него рукой.

– Ты всегда держишь нейтралитет, Лазар. Даже если все полетит в испод, ты будешь стоять и смотреть, пока не поступит приказ сверху. Тебе плевать, что палата давно пляшет под дудку Вэйновия. – Зарай поставил бокал на стол, и капли полынной настойки расплескались по скатерти. – А эта идиотская последняя армейская реформа от кого, думаете? От Гория, от палаты? Нет! Вэйновия! Будь моя воля, я бы на этого министра по вэйбезопасности давно гасители надел и скинул с кресла.

«Ну хоть кто-то разделяет мое мнение о вэйновском небожителстве», – подумала Тиса, преисполненная симпатией к начальнику таможни.

Климыч похлопал вэйна по плечу, пошатываясь.

– Да, наверное, вы правы, – нерешительно протянул Филипп. Чувствовалось, что ему порядком надоел этот диалог, но оборвать собеседника не позволяла тактичность.

На помощь дорогому постояльцу поспешила Тонечка.

– Зарай Климыч, Филипп с вами согласен. Но все это так далеко от нас. Вы лучше расскажите, как вы руку поранили? До нас дошли жуткие слухи о волках!

– Вот, – начальник таможни показал всем перебинтованное запястье. – А чего здесь рассказывать? Волки напали, пришлось отбиваться. Вон, Крохов расскажет! Эй! Витер! Иди сюда.

Климыч вытолкнул его вперед.

– Этот бравый воин пристрелил зверюгу, когда она уже была готова оттяпать у меня руку.

– Волки?! – ужаснулась Ордосия Карповна. Столичная выдержка изменила женщине. – Здесь?

Она выразительно посмотрела на сына.

Витер поспешил успокоить.

– Сударыня, не бойтесь. Мы видели волков близ Сеевки, это в пятнадцати верстах к востоку от Увега. Притом мы почти всех уложили.

«Почти», – хмыкнула про себя Тиса. Она покосилась на шкалуша, который в этот момент о чем-то беседовал с Марикой. Новобранец почувствовал ее взгляд и поднял глаза. Она отвернулась.

– Мы ехали весь день и решили заночевать у дороги, – значительно начал Крохов, он был доволен общим вниманием. – Расположились на ночлег. Только угомонились, вдруг я услышал, как Климыч кричит: «Волки!»

По мере продолжения рассказа Тиса все сильнее морщила нос.

– И тогда я выстрелил из стреломета в четвертый раз. Дрот раздробил зверю челюсть и вышел через левое ухо.

Витер увлекся рассказом, не замечая, что женщины на грани обморока. По крайней мере, старушка Ордосия уже закатила глаза. Тонечка и здесь оказалась на страже. Тиса подумала, что этой женщине надо дать орден за заслуги – спасение увязающих в беседе.

– Это была обычная стая. Хотя будь то оборотни, им бы тоже несдобровать: все мои стрелы имеют серебряные пайки.

– Как вы предусмотрительны, Витер Дмитриевич! – воскликнула Тонечка, бросая озабоченный взгляд на Ордосию Карповну. – Какой м-м... захватывающий рассказ! Спасибо! А теперь обещанный сюрприз! – она повысила голос. – Давайте попросим Филиппа показать нам что-нибудь волшебное! – захлопала в ладоши хозяйка. – Просим!

– Просим! – подхватили гости.

– Просим, – проворчала Войнова, отпив из бокала глоток вишневки.

Рядом с нею возникла Ганна.

– Ты не слишком ли увлеклась вином, подруга?

– Оно такое вкусное... – но бокал отставила.

Волшебное действие перенесли на широкую террасу, выходящую в сад. Здесь было уже все приготовлено к танцам – по кругу расставлены ряды стульев и столики с десертом. За самым крайним трое местных музыкантов попивали наливку в ожидании своего выступления. Завидев толпу, домрист спрятал бутылку под стол.

Гости рассаживались медленно, шумно. Проводив капитанскую дочь к стулу, Витер сел с нею рядом. Под видом, что кому-то не хватает места пройти, старшина подвинул свой стул вплотную. Ганна подняла брови, бросая подруге многозначительный взгляд. Вечерний воздух охлаждал спину, и теплое плечо старшины оказалось очень кстати.

– Принесите мне два ведра воды, – вэйн вышел на середину террасы.

– Быстрее, мальчики! – поторопила Тонечка слуг.

Через минуту у ног Филиппа стояли ведра с водой. А также «пюпитр» с возложенной на него вэйновской книгой. Колдун открыл по закладке нужный разворот, пробежал по странице взглядом, поглаживая лазуритовое навершие жезла. Неторопливо расстегнув запонки, вэйн подвернул кружевные рукава, обнажая изящные запястья.

– Я вам покажу мою самую любимую иллюзию, – таинственный баритон Филиппа вызвал женские вздохи. Тиса не удержалась от скептической усмешки – сегодня очарование

вэйна на нее не действовало.

Филипп выставил перед собой руки и стал медленно водить над ведрами, словно стараясь вытянуть из них незримые канаты. Неожиданно вода засветилась, и публика восхищенно зашептала. Поднялось испарение, растеклось туманной дымкой, укутывая вэйна. Затем туман сгустился, постепенно приобретая форму ажурного дерева, которое начало расти, ветвиться. Появились листья, затем на ветках распустились цветы, похожие на водяные лилии. Тиса тайком взглянула на Витера, отметив его скептический настрой. Тем временем цветочные розетки на дереве превратились в пузыри, оторвались от веток и, раскачиваясь, полетели вверх. Отлетев на десяток аршинов от земли, неожиданно лопнули и осыпались вниз серебряным дождем. На дощатом настиле террасы проявились мокрые пятна.

– Браво! – захопала публика. – Еще! Просим!

– Боюсь, нужно еще воды, да и площадка вся вымокнет, – извинился Филипп. – Давайте в другой раз и где-нибудь рядом с источником.

«Наверное, именно такие лица у ангелов в кущах небесных», – подумала Тиса.

– Рядом Вежское, – выкрикнул кто-то из толпы.

– Ну конечно! – воскликнула Тонечка. – Мы можем устроить прогулки на лодочках в следующий раз! О, как здорово! Все слышали? Приглашаем желающих в городской парк. Дату я оглашу позже.

Публика восприняла новость с восторгом.

– А теперь танцы-шманцы! – объявил во всеуслышание градоначальник.

Музыканты заняли свое место на отведенном для них закутке вблизи лестницы, ведущей в сад.

– Филипп, вы не отвертитесь от кадрили, – Тонечка схватила вэйна под локоть и вывела в центр.

Хозяйка вечера поставила в пару колдуну – кого бы вы думали? Конечно, Анфису Лопухину! Сама же встала с Лавром. Градоначальник вытер руки о штаны, прежде чем взяться за жену. Вслед за ними пристроились еще три пары.

– Эта Анфиса – настоящая хищница, – обиженно надула нижнюю губку Марика, жалуясь. – Тонечка тоже хороша. Может, Филипп хотел пригласить другую девушку.

– А вы чего сидите? – подтолкнула Ганна Тису и Витера.

– К чему эти кривлянья, – проворчал старшина. – Куда лучше просто сидеть и разговаривать. Не так ли, Тиса Лазаровна? Вы, насколько знаю, тоже не танцуете.

А вот и нет. Только не сегодня. Войнова вздохнула. Она была не прочь танцевать и с сожалением постукивала каблучком в такт музыке. На улице похолодало, а пляска помогла бы ей согреться. Пары уже выстроились в круг.

– Позвольте пригласить вас на танец? – услышала она голос.

Трихон протягивал ей руку.

– Хоть танцевать-то умеешь, боец? – усмехнулась девушка. Парнишка слегка приподнял брови. Тиса уже собиралась отказать юноше, но тут возмущенно поднялся с места Витер.

– Ты что, шкет? – пробасил старшина. – А ну не докучать Тисе Лазаровне! Пшел с глаз!

– Витер Дмитриевич, оставьте, – осадил старшину, похлопав по рукаву мундира. Похоже, вино выветрило из головы остатки стеснительности, но это ей даже нравилось. – Мне никто не докучает. Притом я совсем не против размять ноги.

Под угрюмым взглядом военного и удивленным – Ганны девушка отставила бокал в

сторонку и встала.

Гусиное перо защищало струны – домра завелась, засвистел рожок, развернулась гармонь – покатила кадрили! Каблуки танцоров стучали по доскам и щеки наливались жаром. Тиса давно не танцевала, но шкалуш вел в паре ровно, и девушка радостно отдалась ритму. Наклон, притоп, поворот.

Быстрая кадрили сменилась мелодичной и плавной «рыбкой» – так в простом народе назывался этот танец, и партнер безошибочно повел Тису в «родничковый рядок».

– Никогда бы не подумала, что в Рудне танцуют кадрили и «рыбку», – Тиса подозрительно сощурила глаза.

– Надо сказать спасибо училищу, – Трихон хмыкнул. – Нас гоняли на уроках танцев так, что каждый кадет мог выполнить любое па с завязанными глазами.

– Надо же. А я думала, шкалуши...

– Что? Отсталый горный народец? По скалам лазают, как дикари, живут в пещерах и сайгаков едят?

Девушка невольно рассмеялась.

– Не так, конечно, но близко.

– Все так думают.

Тиса боялась, что ей напомнят о вчерашних событиях и испортят настроение. Но паренек, видимо, решил не поднимать эту тему. Внимание привлекло плетеное ожерелье из цветных нитей на его шее.

– Это оберег, – пояснил Трихон. – Матери начинают их вязать для своих чад сразу после родов.

«Рыбка» – смена партнера. Разговор прервался, и Тиса перешла в пару к градоначальнику.

Всем известно, что Лавр косолапил на одну ногу, и Войнова убедилась в этом сама, когда чуть не потеряла два пальца правой ступни. Хозяин поинтересовался, как ей нравится сегодняшний вечер, и она заверила, что вечер получился чудесный. Наклон. Смена партнера.

Последним в «родничковом ряду» Тису ждал вэйн. Столь галантного и виртуозного танцора она в жизни не встречала. Как он держал осанку, склонял голову, а как отводил руку за спину. Рядом с ним Тиса почувствовала себя неповоротливой гусеницей, затесавшейся в ряды бабочек. А тут еще рядом подобно яркому мотыльку порхала Анфиса в паре со шкалушем. Брезгливо отвернув лицо от новобранца, она не сводила глаз с Филиппа.

– Похоже, мы с вами не знакомы, – чарующим баритоном обратился к Тисе вэйн. Она взглянула на него исподлобья, подумала – зачем Бог награждает парней такими глазами и ресницами, ведь столько девушек мечтает быть хоть чуточку красивее.

– Меня представляли вам друзья семьи, Кошкины. Но если вы не помните, то – Тиса Лазаровна Войнова, – представилась она.

Интересно, что он использует для прельщения? Это может быть что угодно. Какая-нибудь брошь или духи. Повела носом – если от вэйна чем-то и пахло, то ее слабое обоняние не смогло учуять волшебного аромата.

– Постойте, ну конечно, вы дочь капитана Лазара? – Филипп улыбнулся так, что впору портрет рисовать.

Тиса коротко кивнула. Ничего похожего на брошку тоже не обнаружилось. Зато есть запонки. Неужели они?! Наверняка! Она постаралась рассмотреть застёжки на кружевных манжетах, но сделать это в танце было не так-то просто – от напряжения только

закружилась голова. Притоп, очередное па.

– Вы молчите, – с непонятной грустью произнес Филипп. – Похоже, вы здесь единственная, кто относится ко мне прохладно.

Такой откровенности Тиса не ожидала, зато это давало ей право на ответную прямоту.

– Сказать начистоту? – натянуто улыбнулась она, склонив голову набок. – Я не доверяю вэйнам.

– Чем же мы так провинились? – Теперь это были глаза обиженного ребенка, которого так и хочется приласкать. Это все запонки!

Хотела ответить, но в следующую секунду, взглянув через плечо танцора, заметила Витера. Старшина, облокотившись на комод, вертел в руках пустой бокал и наблюдал за нею.

«Рыбка» – смена партнера. Делая поворот, Тиса оступилась и, если бы не Филипп и шкалуш, которые ее поддержали, наверняка грохнулась бы на потеху народу.

– Пожалуй, мне хватит на сегодня танцев, – решила Войнова, щупая лоб. – Спасибо.

Не замечая сожаления на лице колдуна, она оставила круг и направилась к ближайшему столику. В пару к Трихону тут же встала Марика. Морс закончился. Витер услужливо снял с подноса слуги бокал вина, девушка с пылу выпила его до дна, прежде чем услышала протест Ганны.

Спустя некоторое время Тису позвала уборная. Для этого пришлось пройти коридорами в северную часть дома. На обратном пути она услышала приглушенный разговор за закрытой дверью. Судя по интонации, очень эмоциональный. Может, это подтолкнуло подслушать, может, выпитое вино. Девушка остановилась у двери.

– Как представляю, что нас по дороге могли загрызть волки, ты только подумай!

– Ма, с нами ничего не случилось. Не начинай снова.

– Эта глухомань, этот дом, это жуткое общество. Ты видел, как они едят? Как свиньи! За что мне это? Разве ты не замечаешь, как здесь убого?

– Скажи спасибо, что я не поселился в башне на болоте, где жил прежний наместный. Поверь мне, этот дом показался бы тебе небесными кущами. И почему тебе вечно все не нравится? Мне общество, наоборот, показалось очень милым. Некоторые местные барышни очень даже ничего.

– Ничего хорошего, ты хотел сказать?

– Ну почему же. Старшая дочь Лопухиных составила бы конкуренцию любой столичной красотке. Но меня больше интересует...

– Ты издеваешься надо мной? В Крассбурге столько достойнейших девушек, а ты кидаешься на эту шелуху.

– Как грубо, ма. Все. Я не хочу больше говорить на эту тему.

– О, Филипп, я тебя знаю, – в голосе проявились умоляющие нотки. – Пока все ново, тебе нравится. Но придет время, и тебе все здесь опостылеет. В конце концов, ты не можешь так поступить со мной! Почему мы не можем вернуться в Крассбург?

Услышав приближающиеся шаги, Тиса отскочила от двери и поспешила поскорее покинуть коридор.

Звенела музыка, но гости не танцевали. Сбились в кучки. Увлеченный беседой с таможенниками, Витер не заметил ее появления. Девушка почувствовала, что не хватает свежего воздуха, лицо пылало огнем. Тонечка, завидев ее, остановилась.

– Девочка, ну как тебе вечер? Как Филипп хорошо танцует, не правда ли?

– Лучше некуда, – процедила Тиса сквозь зубы.

Хозяйка не успокоилась и зацепила проходящего мимо шкалуша.

– А вам, милый юноша, понравился праздник? Какое колдовство Филипп показал! Вы же, наверное, в своих скалах ничего подобного не видели?

Улыбаясь, он поклонился.

– Вы совершенно правы: в скалах такого не увидишь. Вечер бесподобен, Антонина Сергеевна!

Трихон перевел взгляд на капитанскую дочь, и лицо его посерьезнело.

– Ах, какой милый мальчик, – улыбнулась Тонечка. – А вот и они, – она помахала ручкой вошедшим вэйну и его матери. – Ордосия Карповна! Ордосия Карповна! Я только сейчас говорила, как же хорошо ваш сын танцует!

– Да, моему мальчику давал уроки сам танцмейстер Ян Ре, – Ордосия Карповна взяла с подноса желе с винной вишенкой. – Надо сказать, Филиппушка ужасно не любил эти занятия и часто сбегал. Пока я лично не взяла все в свои руки и не стала присутствовать на каждом уроке танцев. Только Единый знает, сколько я труда в сына вложила! Но я справилась: Филип получил лучшее воспитание.

– Часто родители стараются дать детям то, чего лишены сами, – произнесла Войнова.

Тонечка ахнула, прикрыв рот ладонью. Вэйн уставился на девушку с интересом, а шкалуш отвернулся, пряча усмешку.

Ордосия Карповна вонзила в Тису стеклянный взгляд, острый нос ее готовился немедленно заклевать «несносную девицу».

– Милочка, мое воспитание на самом высоком уровне, не сомневайтесь. А вы! Постойте... – женщина открыла рот от внезапной догадки. – Да вы же та оборванка, что...

[Купить полную версию книги](#)